



# Гуманитарная парадигма

2023

№ 3

**Электронный научный журнал — сетевое издание**

## **Гуманитарная парадигма**

**№ 3 (26) 2023 года**

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлечёнными редакцией экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: учёных, преподавателей, специалистов-практиков, студентов, магистрантов, участников научно-исследовательской, культурной, музейной, просветительской работы.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — кандидат филологических наук  
**Людмила Нодариевна Икитян.**

Журнал издаётся с июня 2017 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70608 от 03.08.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: Л. Н. Икитян, ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Ялта, пгт. Кореиз, Республика Крым.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://humparadigma.ru>

E-mail редакции: [red@humparadigma.ru](mailto:red@humparadigma.ru)

При оформлении обложки использовано изображение  
<https://unsplash.com/photos/CS9H6wa1T44> на ресурсе Unsplash от автор Ricardo Gomez Angel по лицензии «Creative Commons Zero»

### Редакционный совет

**Икитян Людмила Нодариевна** — главный редактор, кандидат филологических наук, Межрегиональный институт развития территорий

#### Члены редакционного совета:

**Боева Галина Николаевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

**Борисова Людмила Михайловна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

**Ишин Андрей Вячеславович** — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

**Красильников Роман Леонидович** — доктор филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Вологда)

**Хакимова Елена Мухамедовна** — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

**Зябрева Галина Александровна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

**Синько Галина Иосифовна** — кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

**Хоменко Елена Викторовна** — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

**Шалина Марина Александровна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Евпатория)

## Содержание

### *Актуальная повестка*

**Икитян Л. Н.**

Динамит «под углом психологии», или Пророчество Леонида Андреева 6

**Livry, Anatoly**

La slavistique française : quatre générations de russophobes académiques  
(Ливри, А. В. Славистика Франции: четыре поколения академических русофобов) 13

### *Пространстве культуры*

**Кожин В. В.**

Гурзуфский мир Марины Цветаевой: документально-географический  
аспект 35

**Двоеглазов В. В.**

А. П. Скафтымов о «правде» в литературоведческом труде 54

**Баркова М. А.**

Русский речевой этикет: методический аспект 62

### *Экспериментаниум*

**Степанов Александр**

«Бездна неба — звёздный сад!». Поэзия 70

**Авторам**

71

## Content

### *Current agenda*

- Ikityan L. N.** 6  
Dynamite “from the angle of psychology”, or The prophecy  
of Leonid Andreev
- Livri A. V.** 13  
Slavistics of France: four generations of academic russophobes

### *Cultural space*

- Kozhin W. W.** 35  
The gurzuf world of Marina Tsetaeva: aspect of documentary and  
geography
- Dvoeglazov V. V.** 54  
Alexander P. Skaftymov about “pravda” in literary criticism work
- Barkova M. A.** 62  
Russian speech etiquette: methodological aspect

### *Experimentanium*

- Stepanov Alexander** 70  
“The abyss of the sky is a starry garden!”. Poetry

- For Authors*** 71



## Актуальная повестка



УДК 821.161.1-7

**Икитян Людмила Нодариевна**

Кандидат филологических наук,  
главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма»;  
Российская Федерация, Армянск, e-mail: gp\_glavred@mail.ru

### **ДИНАМИТ «ПОД УГЛОМ ПСИХОЛОГИИ», ИЛИ ПРОРОЧЕСТВО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

*В статье представлен необычный взгляд на творческую личность Леонида Андреева как пророка «идейных» катастроф человечества. Актуализируют тему данного исследования современные процессы в России, пришедшие на начало XXI века.*

**Ключевые слова:** *творчество Леонида Андреева, профетизм, литературное пророчество, повествовательные и интерпретационные стратегии, художественная провокация.*

**Lyudmila N. Ikityan**

PhD in Philological sciences,  
chief editor of the magazine “Humanitarian paradigm”;  
Russian Federation, Armyansk

### **DYNAMITE “FROM THE ANGLE OF PSYCHOLOGY”, OR THE PROPHECY OF LEONID ANDREEV**

**Abstract.** *The article presents an unusual view of the creative personality of Leonid Andreev as a prophet of the “ideological” catastrophes of mankind. The topic of this study is actualized by modern processes in Russia that occurred at the beginning of the XXI century.*

**Key words:** *Leonid Andreev’s prose, prophetism, literary prophecy, narrative and interpretive strategies, artistic provocation.*

#### **Для цитирования:**

Икитян, Л. Н. Динамит «под углом психологии», или Пророчество Леонида Андреева // Гуманитарная парадигма. 2023. № 3 (26). С. 6–12.

Известно, что вероятность скрытых в литературных произведениях смыслов значительно возрастает, если художник тяготеет к разрешению вопросов универсальных. Такой творческий материал, даже будучи хорошо известным, обладает общезначимым потенциалом, и во всей полноте его внеисторическая ценность раскрывается в социокультурном контексте иного времени. Одна эпоха может не постичь имплицитных смыслов или трактовать их как второстепенные, а созданные автором образы — как невозможные и даже нелепые, новые же реалии другой эпохи актуализируют эти смыслы и на основе уже исторически явленных подтверждений констатирует пророчества художника.

Профессиональный взгляд на оригинальное творчество Леонида Андреева неразрывно связан с открытием им новых путей в искусстве слова. При этом определяющим в интересе современников к прозе и драматургии писателя во многом являлось его обращение к злободневным процессам эпохи, в частности «модерным» философским теориям и учениям своего времени. И характерно для Андреева не только остро «критическое отношение к реалиям настоящего», но и его «посыл к их изменению в будущем» [8, с. 95] — главному фактору литературы профетизма. Потому закономерно, что понимание житнетворческого дискурса этого писателя связано со способностью сообразного прочтения его наследия, специфичного восприятия его суждений о последствиях некоторых общественных веяний, верифицированных уже нашим временем как пророческие.

Стремление исследователей осмыслить творчество Л. Андреева в полном объёме способствовало его изучению не только в историко-культурном контексте своего рубежного времени, но и в дискурсе граничных XX – XXI веков. Наблюдения и заключения отечественных учёных (Л. Иезуитовой, И. Московкиной, Е. Михеичевой, О. Вологиной, Г. Боевой), исследователей Европы (Р. Дэвиса, Б. Хеллмана, Р. Джулиани, П. У. Мюллер) и Америки (А. Брауна) не раз подтверждали знаковую связь взглядов Андреева, человека порубежной периода, с мировоззрением людей нашей эпохи. В первую очередь, некоторыми учёными трактуется как пророчество предвидение писателем изобретения ядерной бомбы. Идея создания этого взрывчатого вещества массового уничтожения чаще всего связывается с планами таких героев Андреева, как доктор Керженцев [10, с. 574] и Фома Магнус [5, с. 247]. И оба героя ассоциируются с фашизмом, идеологическим злом XX столетия, в некоторой степени тоже предрекаемым Андреевым. Действительно, от этих одиозных персонажей неоднократно звучат угрозы сокрушить мир в его ценностных основах. Казалось бы, идею

опустошительной деятельности Андрееву не требовалось придумывать, так как в России конца XIX – начала XX вв. активно использовались «бомбистские» методы. И автор живо откликнулся на них произведениями, герои которых для осуществления мечты о гармонии прибегают к террористическим средствам борьбы («Губернатор», «Тьма», «Рассказ о семи повешенных»). Таков и заглавный герой пьесы «Савва». Однако именно герой Андреева впервые движим желанием найти средство, действие которого направлено не на кого-то конкретного, а на подрыв базовых цивилизационных накоплений. Использование «адской машинки» мыслится Саввой уже не столько как способ физического уничтожения «объекта», сколько как идеологический подрыв духовных авторитетов и святых. Уничтожение нигилистом-одиночкой чудотворной иконы должно пошатнуть веру в чудо «воскресения» как основу христианства. Заметим, что бунт Керженцева, Ататэмы, Феклуши («Собачий вальс») и вовсе направлен на Небо как обиталище Бога. Взрыв их мечты должен поставить точку именно в поединке с Творцом. И это не та «борьба» с Богом, в которой библейский Иаков или Иов находили себя в границах Божьего промысла, это вызов людей-«трихин», которым показалось, что место Всевышнего свободно.

Познавая опыт революционеров-террористов, Андреев предвидел, что локальными взрывами действия последователей новой максималистской идеологии, увы, не ограничатся. Так в пьесе «Царь Голод» и романе «Сашка Жегулев» вспышки «идеологических» бомб приобрели гиперболизированные формы тотальных пожаров [Подроб. 9]. Но даже в таких, испепеляющих, действиях Андреев распознавал фатальные сдвиги. Писатель остерегался, что психологические разлады в душах «идеологов» изменят практику взрывов и поджогов, и, в результате, наиболее желанным для них способом станет не физическое уничтожение людей, а манипулятивное воздействие на них. Что это как не предвосхищение так называемой мягкой силы, подразумевающей возможность физического, идеологического, морально-нравственного влияния на «объект» и его подчинения посредством введения в заблуждение?

Андрееву игра на слабостях и противоречиях человеческой природы казалась сходной с дьявольскими забавами. Неслучайно, одним из тех, кто в творчестве писателя демонстрировал их наглядно, был проклятый Богом дух сомнения — Анатэма (пьеса «Анатэма»). В галерее андреевских героев-«практиков» этот образ выступает обобщением характерных для человека кризисного положения «дьявольских» черт, которыми в разной степени интенсивности наделены и бросивший вызов Небу Василий Фивейский, и лукавствующие Керженцев и «дедушка» (автор «Записок»), и грезящий о равенстве с Богом Иуда. Все они в качестве действенного элемента

воздействия осознанно или наугад прибегали к манипулированию человеком. Прежде всего, посредством искусного использования речевых ресурсов: ложных свидетельств, перевёрнутых истин, убеждений, направленных на активизацию бессознательного и снижение критического мышления собеседника [4, с. 183]. Это указывает на ключевую роль психологии в создании орудия нового типа, а действия, определяемые его спецификой, по сути, являются психологическими экспериментами над человеком и обществом. «Наши страхи, сомнения и тайные желания, в обычной жизни сдерживаемые моралью, общественными установлениями, совестью, выявляются скрытым ресурсом провокатора» [4, с. 183]. Способом таких актов выступает создание парадоксов, внутренняя несовместимость которых делает невозможным гармоничное бытование человека. Сомнения в авторитетах или вовсе утрата внутренних опор заостряют противоречия, доводя человека до черты и «раскручивая» его на немислимые действия и реакции [4, с. 184].

Наиболее красноречиво перспектива динамита «под углом психологии» представлена в последнем произведении Андреева — романе «Дневник сатаны». Один из главных его героев — философ-отшельник Фома Магнус — приходит к выводу, что наиболее разрушительным для людей является оружие, наделённое разумом. Магнус мечтает превратить человека в марионетку, а потому цель «палача в белых перчатках» — запустить процессы саморазрушения личности. Это и есть бомба замедленного действия, что в осознании Андреева являет реальную угрозу существования мира. Отождествление же этого неординарного «взрывчатого вещества» с ядерной бомбой современности, увы, ошибка слишком прямолинейного восприятия этого факта художественной реальности Андреева. На наш взгляд, если его и сравнивать с оружием XX века, то не с открытиями Э. Резерфорда, Э. Теллера и А. Сахарова, а скорее с таким феноменом, как «план Даллеса»<sup>1</sup>. Не вдаваясь в подробности существования документа руководителя ЦРУ времён «холодной войны» [См. 3], констатируем разрушительное действие того, что составило основное содержание «программы» уничтожения Советского Союза средствами деморализации его жителей. Невероятно, но в начале XXI столетия не оставляются попытки её реализации уже для современной России и стран постсоветского пространства.

Знаково, что методы тотальной подмены ценностей признаны действенными для народов, культурно-историческое развитие которых было обусловлено нравственно-духовными началами [См. 3]. Потому первичной

---

<sup>1</sup> **Важно!!!** «План Даллеса по уничтожению СССР (России)» включён в Федеральный список экстремистских материалов (пункт 3932).

задачей является подмена этих ценностей на фальшивые. Упрочение же веры в подложные истины станет финальным актом в деле «окончательного и необратимого угасания ... самосознания» «самого непокорного в мире» русского народа. Так, одним из пунктов: «...из искусства и литературы мы постепенно вытравим его социальную сущность; ... отобьём у <художников и писателей> охоту заниматься изображением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства». Не выполняют ли «план Даллеса» нынешние деятели-иноагенты, суть псевдоискусства которых «насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ»? Помимо этого: «Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов... — все это мы, — продолжает Даллес, — будем ловко и незаметно культивировать...». В итоговом романе Андреева вочеловечившийся дьявол тоже встречается с представителями общественных групп — творческой элитой, религиозными и политическими лидерами. И по результатам общения с ними Вандергуд-сатана заключает, что люди «глотают <предлагаемое им> кощунство как мармелад» [1, Т. 2]. То есть ложное принимают за благостное, не осознавая подвоха. А что же честность и порядочность? Они, по доктрине Даллеса, «будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого», а те немногие, кто будет «догадываться или даже понимать, что происходит», тех «мы, — продолжает Даллас, — поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества». Остаётся лишь удивляться перекличке «плана Даллеса» с теорией Магнуса, а значит, и той ужасающей правоте андреевского персонажа, что впусая десятилетия становится неотвратимо очевидной. Именно поэтому оказалась пророческой авторская догадка о герое, развившем тип «подпольного человека» Достоевского — «серой мыши», мечтающей показать миру язык, но теперь уже взрывающей его динамитом «под углом психологии».

Заострённости предвидений Андреева придают реалии нашего времени, когда для человечества высоко вероятными становятся угрозы массового поражения. Оказалось, что для обеспечения мира на планете недостаточно опыта Хиросимы и Нагасаки. И, увы, перед лицом предвидимых Андреевым опасностей важнее помнить о сценарии морально-психологического развала стран Восточной Европы в 1990-е годы и нравственно-религиозного противостояния Востока и Запада, обострившиеся вначале второго

тысячелетия. Самым страшным психологическим взрывным механизмом выявилась убежденность «серой мыши» в своей исключительности, приоритет её индивидуальной воли над здравым смыслом, который более ста лет назад виделся Андрееву в опасных экспериментах Керженцевых и Магнусов, в дьявольском обольщении ложных истин Иуды, Анатэмы, вочеловечившегося сатаны. Контроль над самостоятельным развитием некоторых стран превратился в манипулирование их внутренними противоречиями заокеанскими псевдовластителями с нездоровыми амбициями. В таких обстоятельствах новое значение обретают слова одного из лучших комментаторов творчества Андреева В. Чувакова о том, что в итоговом романе-предостережении писателя «немало страниц, гневно обличающих... циничную изнанку американской демократии» [1, Т. 1, с. 43–44].

Творческие находки Леонида Андреева стали ценным приобретением как литературы начала XX века, так и философии, психологии, культуры в целом. Нервная оголённость произведений писателя и оригинальные способы её художественного воплощения всегда красноречиво свидетельствовали о движениях человеческого сознания: от саморазрушения личности до краха мира от оружия, которым может стать сам человек. Трагедия человечества, представ в произведениях Андреева во всемирном масштабе, отражала страхи писателя, которые современникам казались несколько экзальтированными, а порой и смешными. Однако тем, кто, как и Андреев, обладал острым чувствованием последствий высвобождения от законов Вечности, было не до смеха [5, с. 230–231]. Склонность к интуитивному прогнозированию и многогранность таланта писателя, превратившего «реальные потенциалы в романную актуальность» [7] становится понятными нам сейчас, после внушительной временной отсрочки. Грустно, что прогноз Андреева начала XX века осуществился в период истечения этого столетия. Ещё грустнее, если пророчество этого писателя не будет услышано сейчас.

### Литература

1. Андреев, Л. Н. Повести и рассказы : в 2 т. / Вступ. ст. В. Чувакова. М. : Художественная литература, 1971.
2. Боева, Г. Н. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна: монография. СПб. : Петрополис, 2016. 518 с.
3. Владимир Соловьёв, Николай Злобин. История большой лжи: беседа [Электронный ресурс] // Trelі.ru. Рубрика «Политинформация» шоу

---

---

«Соловьиные трели». 2008. 12 июня. URL:  
<http://www.treli.ru/newstext.mhtml?Part=15&PubID=19068>

4. Икитян, Л. Н. Речевые манипуляции героев-провокаторов Л. Андреева и И. Эренбурга // Проблемы безопасности в современном мире : сб. докладов I Черноморской науч.-практ. конф. МГУ (26–28 мая 2016, Севастополь) / Под ред. И. С. Кусова. Севастополь: Изд. филиала МГУ в г. Севастополе, 2016. С. 183–185.

5. Крук, И. Т. Леонид Николаевич Андреев // Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Л. : Просвещение, 1985. С. 226–248.

6. Московкина, И. И. Модернистский и постмодернистский дискурсы художественной системы Л. Андреева // Информационный вестник форума русистов Украины. Симферополь, 2003. Вып. 6. С. 45–48.

7. Назиров, Р. Г. Профетизм [Электронный ресурс] // Достоевский: Эстетика и поэтика : Словарь-справочник / Сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; Науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск : Металл, 1997. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/039/>

8. Оропай, А. Ф. Пушкин и Лимонов: «странные сближения» в профетизме // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1 (6). С. 94–97.

9. Петровский, С. М. «Двенадцать» Блока и Леонид Андреев // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М. : Наука, 1998. С. 203–232.

10. Свербилова, Т. Г. Жизнь человека и парадоксы бытия // Андреев, Л. Н. Анатэма : Избранные произведения. Киев : Днепр, 1989. С. 569–574.

~

УДК 378

**Anatoly Livry**

Docteur en littérature générale et comparée  
de l'Université de Nice-Sophia Antipolis,  
écrivain, philosophe, critique littéraire;  
Suisse, Altdorf

## LA SLAVISTIQUE FRANÇAISE: QUATRE GÉNÉRATIONS DE RUSSOPHOBES ACADÉMIQUES

**Résumé.** Cet article d'un ancien enseignant aux universités de la Sorbonne et de Nice résulte des séminaires qu'il délivre dans des facultés de l'Europe et du Canada. L'auteur propose de ne pas entrer en discussion avec les commissaires de la russophobie française et, surtout, de ne pas prendre en compte leur «méthodologie» anachronique. L'auteur met à l'index les failles gravissimes de la production des professeurs «russistes» français («scientifiques» souvent incapables de lire le russe), fustige leurs vols groupusculaires de découvertes scientifiques et dénonce le «rideau de fer» corruptionnel made in France qu'ils ont instauré pour dissimuler par tous les moyens l'inaptitude des plagiaires à respecter les normes académiques internationales.

Donnant à voir la face authentique des slavistes français méprisant les traditions académiques européennes, l'auteur retrace leur généalogie sur quatre générations, depuis Pierre Pascal, tout en détruisant les fruits de l'acharnement qu'ils développent depuis plusieurs années à l'encontre des Slaves orientaux – ce qui permet d'appréhender sous un angle critique «l'opinion qui fait autorité» des professeurs «russistes» français concernant les accusations lancées contre la Russie et son président et devenues une arme réelle, massacrant des Russes depuis le 24 février 2022.

**Mots-clés:** culture, politique, Weltanschauung, crise, russophobie.

**Ливри Анатолий Владимирович**

Доктор филологии  
Университета Ниццы — Софии Антиполис,  
писатель, философ, литературовед;  
Швейцария, Альтдорф

## СЛАВИСТИКА ФРАНЦИИ: ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ РУСОФОВ

**Аннотация.** Данная статья бывшего преподавателя университета Сорбонны является частью материалов его семинаров, проведённых в

странах Европы и Канады. Автор статьи предлагает не вступать в дискуссии с университетскими комиссарами французской русофобии и их анахронической «методологией». Автор указывает на существенные недочёты исследований ряда профессоров русистики Франции («учёных», часто не способных читать на русском языке), уличает их в коллективистском воровстве научных открытий, а главное — в установлении железного занавеса коррупции *made in France*, призванного во что бы то ни стало скрыть несоответствие начётчиков академическим нормам.

Вскрывая истинную личину четырёх поколений французских «русистов» (начиная с Пьера Паскаля), презирующих академические традиции Европы, автор стремится разрушить плоды их многолетнего ожесточения против восточных славян, критически осмыслить «авторитетное мнение» профессоров-«славистов» Франции относительно обвинений России и её президента, ставших оружием, физически истребляющим россиян с 24 февраля 2022.

**Ключевые слова:** культура, политика, мировоззрение, кризис, русофобия.

**Для цитирования:**

Livry, Anatoly. La slavistique française : quatre générations de russophobes académiques (Ливри, А. В. Славистика Франции: четыре поколения академических русофобов) // Гуманитарная парадигма. 2023. № 3 (26). С. 13–34.

Cette guerre hybride de l'OTAN contre le monde russe qui est montée en puissance durant la première décennie du XXI<sup>e</sup> siècle et qui a abouti au non-respect effronté puis revendiqué des accords de Minsk et donc à une opération militaire spéciale russe en Ukraine nous offre un moyen unique en son genre d'apercevoir clairement et donc analyser enfin la face authentique de l'Université française – et occidentale en général. Cette institution, matrice d'une russophobie désormais officielle, se distingue en effet par un mépris idéologique des normes académiques pluricentennaires, issues de l'Occident mais aussi génitrice d'un Occident qui a cessé d'être lui-même et qui se suicide lentement, portant sur ses étendards russophobes et antitraditionnalistes les dogmes de son unique religion actuelle, le racisme systémique anti-Blancs auquel j'ai consacré mon dernier ouvrage philosophique

---

publié à Moscou<sup>1</sup>. C'est naturellement dans le domaine de la slavistique qui avait été pris d'assaut par la lie de l'humanité occidentale et surtout française que ce dévoilement a eu lieu en premier. Les fonctionnaires de la slavistique française, ne l'oublions pas, ont été le fer de lance de ces facultés assoiffées de donner la mort à l'Université occidentale, car poussées par le ressentiment envers l'élite authentique française et la haine de soi. Ils ont ainsi utilisé le trotskisme pour aboutir à la longue putréfaction des restes du peuple français que nous constatons actuellement<sup>2</sup>.

Le présent travail examinera les preuves réelles de cette nullité catastrophique des professeurs universitaires français ainsi que leur absolue incapacité à maîtriser leur «spécialité», l'impossibilité pour ces professeurs de philologie de s'exprimer dans leur langue maternelle qui est le français sans commettre des fautes basiques et leur unique «méthodologie» pour sauvegarder les apparences de la tradition académique avec la vieille Université française – cette Université française qu'ils ont totalement massacrée – à savoir la corruption groupusculaire. Celle-là, institutionalisée en France sous la forme du Conseil national des universités (CNU)<sup>3</sup>, leur permet de dissimuler non seulement leur incapacité au professorat universitaire, mais aussi les plagiat aux quels ils s'adonnent, car c'est dans le vol, et la simplification triviale, d'idées de thèses de doctorat<sup>4</sup> que ces apparatchiks du ministère de l'Enseignement supérieur puisent leurs «découvertes». En somme, leur total mépris des traditions universitaires européennes et leur incapacité à exercer le travail de professeur en sciences humaines ont été l'objet de mon séminaire «Les 10 000 fautes des professeurs universitaires français»<sup>5</sup> car, naturellement, ce pourrissement qui a commencé au

---

<sup>1</sup> Dr Anatoly Livry. Le Racisme systémique anti-Blancs ou l'Holocauste des peuples blancs – Entretien avec Dr Anatoly Livry // *Le Harfang*. Drummondville (Québec). Automne 2022. P. 9–11.

<sup>2</sup> Ce trotskisme niais a été l'objet de plusieurs de mes analyses éditées: Dr Anatoly Livry. *La Muse prostituée* // *HERALD of the University of the Russian Academie of Education*. Вестник Университета Российской Академии Образования. 2015. № 1. С. 64–67.

<sup>3</sup> «Il faut défendre Anatoly Livry» suivi de «Pourquoi il faut défendre Anatoly Livry», François Garçon, Maître de conférences HDR, Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, alors directeur du Master 2 professionnel Cinéma Télévision Nouveaux médias, docteur en histoire après des études aux universités de Genève et d'Oxford (St Peter's College), co-lauréat du prix d'histoire Gustave Ador, lauréat d'une bourse Besse (Oxford) et du Fonds National Scientifique suisse in *Proceedings of the Academy of DNA Genealogy*. Boston-Moscow-Tsukuba. 2019. Vol. 12, №9. P. 1715–1717.

<sup>4</sup> À l'instar de ce qu'ils ont fait avec ma thèse de doctorat «Nietzsche et Nabokov», soutenue à l'Université de Nice-Sophia Antipolis le 4 juillet 2011: Professeur Nathalia Pakhsaryan, «Anatoly Livry. La Physiologie du Surhomme», *Komparatistik, Jahrbuch der Deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft*, Aisthesis Verlag, Bielefeld. 2016. P. 207–209. Herausgegeben im Auftrag des Vorstandes der Deutschen Gesellschaft für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft (DGAVL) von Prof. Dr. Christian Moser und Prof. Dr. Linda Simonis.

<sup>5</sup> Des séquences de ce séminaire dont vous lisez ici certains des matériaux ont été lues lors de mes conférences canadiennes en 2023 – et une partie est déjà éditée. Dr Anatoly Livry. *La*

sein de la slavistique a lentement contaminé l'ensemble de l'esprit académique de l'Université française avec toutes ses facultés. Ce séminaire traite maintenant beaucoup plus que les 10 000 fautes annoncées, lesquelles vont des lapsus caricaturaux de ces fonctionnaires universitaires français qui se disent professeurs et maîtres de conférences voire chercheurs au CNRS à leur inaptitude à maîtriser non seulement l'idiome dans lequel ils sont censés faire des recherches mais aussi leur propre langue maternelle que ces experts du Conseil national des universités ne sont pas capables d'écrire, ne maîtrisant pas les règles les plus basiques du français — ce qui est la source de leur totale dégénérescence en tant que «scientifiques». Et j'utilise pour faire connaître mes thèses non seulement les conférences universitaires que j'assure par Skype à l'intention des deux Amériques, de l'Afrique francophone, d'Israël ou de l'Asie du Sud-Est, mais surtout mes cours universitaires dans le monde académique de langue russe (non seulement en Russie et en Biélorusse, mais aussi dans la plupart des établissements d'enseignement supérieur des républiques ex-soviétiques, russophones par nature). Plus mes idées issues de l'analyse des pratiques universitaires françaises pénètrent les élites mondiales via mes séminaires, plus la négation de cette réalité croît parmi les professeurs universitaires français qui, par intérêt, n'admettent pas que leur ignominie permanente, qui est devenue leur «méthodologie», soit non seulement dévoilée mais surtout inscrite dans les annales universitaires du monde entier, destinée donc à passer aux générations académiques futures. J'ai donc dû joindre des démarches médiatiques à mon activité purement universitaire afin que cette ignorance récompensée avec les honneurs qui va de pair avec la sélection négative des cadres universitaires français et occidentaux soit connue au-delà du rideau de fer qu'ils avaient instauré grâce à une féroce corruption devenue institutionnelle au sein de l'Université française.

Après certaines rencontres organisées dans des ambassades de Berne, je me suis vu offrir des tribunes sur des télévisions d'État et mes livres, mes idées et mes analyses ont été promus auprès de plusieurs millions de spectateurs. Les canaux télévisuels privés m'ont proposé leurs plates-formes. Ainsi, ma seule interview de mai 2022 sur le canal d'État de Biélorussie BelTA<sup>6</sup> ont été vues par plus de 1 850 000 personnes et quasi chaque mois, d'autres relais télévisuels m'offrent de 200 000 à 400 000 nouveaux spectateurs. Comme il est connu que l'histoire se répète d'abord tragiquement puis sur le mode satirique, je déclenche chez ces professeurs férus de «logique» et de «méthodologie» une négation de la réalité,

---

monarchie en Occident? Une vision pessimiste // Le Harfang, Drummondville (Québec). Été 2023. P. 31–32. URL: <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/harfang-31-32.pdf>

<sup>6</sup> Dr Anatoly Livry sur BelTA, le 7 mai 2022. <https://www.youtube.com/watch?v=1YPHQCXEqk&t=1867912> (1 867 912 vues)

réaction entrant elle-même dans les séminaires que je leur consacre, ce qui aboutit à un cercle vertueux de la propagation de ma conception philosophique [Cf. p. ex.: 7]: plus je suis connu grâce à de grands médias, plus des revues avec comité de lecture m'ouvrent leur rédaction et plus les universités m'invitent et enseignent mon œuvre (qu'elle soit littéraire, scientifique ou académique), plus l'obsession de me faire taire se manifeste par des décisions corruptionnelles de professeurs universitaires français incapables de ne serait-ce que s'exprimer par écrit dans leur langue maternelle sans commettre une faute par phrase. Ce qui me vaut non seulement une haine croissante qui s'accompagne d'une hausse des pratiques corruptionnelles, mais m'apporte surtout de plus en plus de matériaux pour mon séminaire «Les 10 000 fautes des professeurs universitaires français».

### ***Pierre Pascal et ses trois générations de bâtards russophobes académiques***

Il est venu le temps de poser cette question de la géopolitique réelle et profonde que j'adresse aux politologues et aux politiciens opposés à cet Occident moribond et mortifère – et notamment à l'*establishment* du monde russe ainsi qu'à leurs alliés qui me lisent de plus en plus en Chine ou en Corée du Nord: comment se conduire face aux chefs-d'œuvre de ces «experts» universitaires français et occidentaux qui signent des pétitions vertueuses, toujours russophobes, paraissant dans la grande presse de Paris (ainsi la déclaration de la section 13 CNU parue dans *Libération* et qui fustige la stratégie russe en Ukraine<sup>7</sup>), incitent les élus français à des décisions folles et sans avenir ou qui mettent sur un pied d'égalité anachronique la politique russe des années 20 du XXI<sup>e</sup> siècle et les décisions soviétiques des années 30 du siècle passé (ce qui aboutit malheureusement à de grandes nuisances diplomatiques – je pense notamment au mandat d'arrêt lancé par le juge de La Haye contre le président Poutine le 17 mars 2023<sup>8</sup>)? Est-ce que l'on entre en discussion avec ces immenses professeurs et scientifiques? Ma réponse est simple: non. Car dès que l'on accepte les règles du jeu de ces pires adversaires de la tradition académique, lesquels de cette antique Université qu'ils ont contribué à démolir n'ont que les titres professoraux, l'on a obligatoirement perdu l'affrontement d'avance. Peut-être faut-il mieux suivre mes conclusions qui

---

<sup>7</sup> Nivière et d'autres fonctionnaires français «Rien ne saurait justifier l'agression russe de l'Ukraine, surtout pas l'instrumentalisation de l'histoire» // *Libération*. 2022. 28 février. URL: [https://www.liberation.fr/idees-et-debats/tribunes/rien-ne-saurait-justifier-lagression-russe-de-lukraine-surtout-pas-linstrumentalisation-de-lhistoire-20220228\\_E2MI7KPIAVFNJJZ2GHQJCPVCFQ/](https://www.liberation.fr/idees-et-debats/tribunes/rien-ne-saurait-justifier-lagression-russe-de-lukraine-surtout-pas-linstrumentalisation-de-lhistoire-20220228_E2MI7KPIAVFNJJZ2GHQJCPVCFQ/)

<sup>8</sup> «Vladimir Poutine sous le coup d'un mandat d'arrêt de la Cour pénale internationale» // *Le Monde*. 2023. 18 mars. URL: [https://www.lemonde.fr/international/article/2023/03/17/vladimir-poutine-sous-le-coup-d-un-mandat-d-arret-de-la-cour-penale-internationale\\_6165924\\_3210.html](https://www.lemonde.fr/international/article/2023/03/17/vladimir-poutine-sous-le-coup-d-un-mandat-d-arret-de-la-cour-penale-internationale_6165924_3210.html)

permettent de nommer ces commissaires d'un régime dont la religion est le racisme systémique anti-Blancs et dont la russophobie n'est que l'une des sectes car dans le monde contemporain slave oriental où la tradition est ancrée dans la Constitution, ces bourreaux français du peuple français voient l'image de leurs glorieux ancêtres qu'ils ont quasi totalement effacés<sup>9</sup>. Et en effet, ma confrontation avec l'Université française a aiguisé chez moi mon sens critique, a fait de moi un spécialiste hors pair de la bureaucratie académique française et j'offre ce fruit unique en son genre aux politiciens étrangers adversaires de la haine de soi et donc du suicide occidental:

Collectez les preuves attestant que ces professeurs français ne maîtrisent pas leur langue maternelle, ne sont pas capables de suivre une quelconque logique, sont incapables de découvertes scientifiques et sont donc des voleurs, individuellement et en groupe – et par conséquent des plagiaires. Constatez que cette manière de procéder est devenue leur authentique «méthodologie», qu'ils protègent par une corruption féroce et effrontée, laquelle est à son tour couverte par toute une structure étatique (judiciaire, policière, médiatique et leur aboutissement militaire qui envoie actuellement des armes qui vous massacrent sur le front ukrainien) et grâce à mon approche, vous verrez que c'est l'unique moyen d'entrer en discussion avec ces experts russophobes qui se disent grands professeurs, promus jusqu'à la Légion d'honneur mais souvent pour leur incapacité à s'exprimer dans leur langue maternelle. Je vous incite à choisir ma tactique, laquelle est plus que fonctionnelle comme cela se vérifie en Suisse où des mécènes ont cessé d'allouer plusieurs millions de francs à des projets universitaires franco-suisse, ces mécènes helvétiques ayant été dégoutés par l'image des clans universitaires français, qu'ils finançaient, que je leur avais présentée [Cf. p. ex.: 3]. J'incite donc les structures d'État qui disposent de cette manivelle de puissance structurelle à reprendre, au niveau de votre propagande et de vos universités, ce qu'en France et dans d'autres pays occidentaux l'on fait contre vous. Ainsi seulement vous pourrez contrer le massacre doctrinal que vous subissez de la part de ces apparatchiks français eux unis à leur État – ce pays légal qui massacre le pays réel français depuis des décennies. Je rappelle à ce propos qu'il existe une rotation entre le ministère des Affaires étrangères et le ministère de l'Enseignement supérieur français: un professeur slaviste peut interrompre son activité d'enseignant pour devenir par exemple attaché à la culture au service de la République française au sein d'une ambassade puis récupérer son poste quelques années après avoir rempli sa mission russophobe non plus théorique mais pratique. Au lieu de se confronter à ces bêtises à titres professoraux (il me serait possible de renvoyer le lecteur au *Cyrano* de

---

<sup>9</sup> Cf. p. ex.: Dr Anatoly Livry. «Nihilist und Christ»: une défaite de Nietzsche // *Schweizerische Zeitschrift für Religions- und Kulturgeschichte*. Université de Fribourg, Suisse, Schwabe Verlag (Basel). 2019. P. 281–294.

Rostand), utilisez ma méthode. Si un Français se dit professeur en slavistique ou philosophe et exprime une vision géopolitique, idéologique anti-Russes, pensez qu'il ne tire sa position de juge que de son titre académique sans lequel il ressemblerait à cet empereur dénudé d'un conte danois bien connu<sup>10</sup>. Il faut donc vérifier si cette personne est qualifiée ou si ce titre ne lui a été offert qu'en récompense de son action en tant que commissaire politique. Prenez le dossier que j'ai constitué sur la base de mes expériences avec le Conseil national des universités français, prenez les documents précieux que j'ai obtenus lors de mes procès au Tribunal administratif de Paris, prenez la correspondance officielle entre le ministère de l'Enseignement supérieur français et moi-même, prenez les critiques de ma thèse de doctorat et les louanges universitaires inscrites dans les programmes de conférences à la Sorbonne ou à Bordeaux qui ont été réservées à ceux qui ont perpétré le plagiat de ma thèse de doctorat organisé par un clan israélo-américano-britannico-canadien-français [Cf. p. ex.: 5]. Prenez ensuite les 10 000 fautes ridiculissimes par lesquelles ces spécialistes académiques ont ponctué leurs publications et leurs interventions notamment devant de grands médias. Prenez finalement les documents administratifs qu'ont rédigés les sommités du CNU, ces experts sélectionnant les futurs cadres universitaires. Prenez aussi les réactions tyranniques et despotiques à ces critiques qui visent à protéger cette nullité académique par des voies juridiques ou policières (je pense naturellement à cette plainte ordonnée par G. Molinié contre Livry en 2010, ce qui n'a nullement empêché la nomination d'experts de Paris IV-Sorbonne pour se prononcer sur le dossier de Livry au CNU). Prenez les plaintes contre X (évidemment, en filigrane, contre Livry) portées par mes adversaires personnels de l'Université française qui sont aussi ceux qui se prononcent au sein du CNU sur ma carrière en France et qui, pour ces plaintes, utilisent des données recueillies dans le cadre de leurs fonctions de rapporteurs pour le CNU. Prenez le fait de faire circuler via le ministère de l'Enseignement supérieur français des plaintes classées sans suite et calomnieuses pour me diffamer dans mon milieu professionnel par l'intermédiaire du CNU. Prenez tout cela. Et alors nous pouvons dresser l'image parfaite de cette machine despotique qui change sa tactique tous les deux/trois ans et que ces professeurs universitaires suivent comme des garde-chiourmes serviles. Tant que vous n'aurez pas reçu de réponses adéquates quant aux aptitudes réelles et aux conditions d'obtention de ces titres professoraux, aucune discussion sur une quelconque opinion en géopolitique ou en philosophie ne sera possible car, en réalité, sans ces titres professoraux, les professeurs universitaires français ne sont que des quidams. Et ces titres professoraux, ils ne les

---

<sup>10</sup> À ce propos, Dr Anatoly Livry. La πολιτεία de Hans Christian Andersen // *Schweizerische Zeitschrift für Religions- und Kulturgeschichte*. Université de Fribourg, Suisse, Schwabe Verlag (Basel). 2021. p. 251–260.

mériteraient pas dans un système universitaire qui respecterait la tradition académique pluricentenaire occidentale.

Naturellement, leur tactique sera de vous convaincre que le fait d'être professeur universitaire suppose automatiquement d'avoir le niveau d'un professeur de l'Université française – aujourd'hui comme il y a cent ans. Mais, si l'on y regarde de plus près, ils dissimulent leur totale incapacité scientifique sous quelques expressions pseudo-savantes, rabâchées jusqu'à l'écoeurement. Comme me l'avait enseigné mon professeur allemand de théologie, la sainteté et le satanisme se ressemblent aux yeux des néophytes. Ces notions contraires se touchent quasi et tout l'enjeu est de savoir faire la différence entre la vraie Science et ces charlatans atteints de psittacisme, épris d'anachronisme, illettrés et enivrés par leur minipuissance administrative. Mon œuvre de combat sert à appréhender cette fine ligne de démarcation. Cette démarche est d'autant plus ardue qu'ils se cachent aussi derrière une petite 5<sup>e</sup> colonne, armée qu'ils ont financée dans le monde russe à cette fin depuis 1991 en en invitant les membres pour des conférences ou des semestres d'enseignement (le tout payé par les contribuables français, comme je le voyais quand j'enseignais à la Sorbonne ou à l'Université de Nice-Sophia Antipolis). Cette petite armée qu'ils se sont constituée chez vous, dans le monde russe et qui attend des invitations pour ses soldats ou pour leurs enfants, leurs maîtresses, leurs obligés... vocifère en cœur «Oui, ces Français sont de vrais professeurs». Ils espèrent naturellement en de nouveaux financements quand l'opération militaire russe en Ukraine sera terminée. Cette 5<sup>e</sup> colonne du monde russe est d'ailleurs facilement identifiable vu que ses membres ont fièrement marqué leurs passages dans les universités occidentales dans leurs CV.

La slavistique française offre une image extrêmement structurée de ce phénomène sur le plan chronologique à mes yeux, permettant de clairement définir les différentes strates du processus qui a abouti aujourd'hui à cette situation de déliquescence de l'Université française. Et autant se référer pour ce faire à la structure d'Hésiode. Tout d'abord, la première génération de slavistes français est représentée par ce «tragélaphe» trotsko-catholique Pierre Pascal, cette créature de la III<sup>e</sup> République qui a utilisé pour son ascension sociale les réseaux trotskistes, le financement du Komintern et l'expérience en diplomatie des Lazaristes. Pierre Pascal a été marié à la sœur de la femme du panégyriste de Trotski en Belgique et en France, Victor Serge. Examiner les chefs-d'œuvre que cet ancien bolchévique de Moscou a publiés pendant l'Occupation allemande alors qu'il était fonctionnaire de l'Université française (il y avait donc une entente dans la partie occupée de la France entre les trotskistes type Pascal d'un côté, et, de l'autre côté, la Gestapo française et l'armée du III<sup>e</sup> Reich) est une source d'inspiration inépuisable pour juger de la honte des professeurs slavistes actuels, lesquels sont obligés à la fois de

condamner l'Holodomor de 1932–1933 comme étant l'œuvre de Staline (œuvre aujourd'hui naturellement perpétuée par Poutine) et de chanter les louanges de leur gourou fondateur Pierre Pascal qui est resté en Union soviétique jusqu'en 1933 et décrivait dans ses articles «scientifiques» publiés pendant l'Occupation l'idylle de la campagne russe [6] – ce qui devrait bien plutôt faire de lui aux yeux de nos girouettes professorales le supporteur du génocide soviétique, cet Holodomor ayant été reconnu par une décision de l'Assemblée nationale française le 28 mars 2023<sup>11</sup>. La manière dont la vie du gourou de la slavistique française est encensée par les trois générations de professeurs qu'il a engendrées rend bien compte de cette «méthodologie» du «deux poids deux mesures», totalement grotesque mais qui ne gêne nullement nos amateurs d'anachronismes incapables d'écrire correctement dans leur langue maternelle ne serait-ce que les trois lignes de leurs décisions pour le CNU. Pierre Pascal a fabriqué de ses mains la génération des professeurs universitaires français en slavistique qui lui ont succédé. Il les a sélectionnés de la manière décrite par Cyril Parkinson, à savoir parmi ceux qui étaient encore plus nuls que lui. Ainsi Michel Aucouturier, ce trotskiste encarté au PS, qui a appris une centaine de formules russes par cœur mais qui était inapte à construire une phrase par lui-même, tout juste capable de balbutier une suite de phonèmes. Cette génération des futurs professeurs slavistes français avait besoin de «nègres» qui pouvaient écrire en russe car cela était hors de leur portée. Le rideau de fer empêchait d'importer en masse de jeunes russophones citoyens de l'URSS en France. Ils sont donc allés chercher la troisième génération de professeurs universitaires slavistes notamment parmi celles de leurs plus proches, les dénichant dans des lupanars entre le Bloc de Varsovie et l'OTAN (et notamment dans ma patrie historique, l'Israël). C'est cette génération que j'ai connue au début de mon enseignement académique en France et ce sont ces péripatéticiennes titularisées par l'Université française qui ont sélectionné la quatrième génération des slavistes post-Deuxième Guerre mondiale. Ce sont précisément ces prostitués babyloniens des deux sexes qui signent depuis les affrontements en Ukraine des pétitions anti-Russes. Le comble du ridicule est que, depuis la fin de l'existence des deux blocs en 1991, ce sont toujours ces personnes de petite vertu qui ont accueilli en France les cadres post-soviétiques et qui ont bénéficié du financement des fonds comme celui de Soros parce qu'elles intervenaient comme «experts». La manière de sélectionner vos propres cadres universitaires russes et les scandales qui éclatent actuellement à

---

<sup>11</sup> «Reconnaissance et condamnation de la grande famine de 1932–1933, connue sous le nom d'Holodomor, comme génocide», Assemblée nationale, Paris, le 28 mars 2023. URL: [https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/dossiers/holomor\\_genocide](https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/dossiers/holomor_genocide)

l'Institut de philosophie de l'Académie russe<sup>12</sup> ne sont que les répercussions des agissements de ces quatre générations de slavistes français qui ont pourri donc non seulement les sciences humaines en France (en y important le trotskisme pratique, celui de la subversion), mais qui ont aussi mis en place cette 5<sup>e</sup> colonne dans le monde russe où, pourtant, le glacis soviétique avait permis la préservation de la structure traditionnelle de la famille et de la société.

### ***La russophobie professorale ou la corruption pour dissimuler l'illettrisme***

Je pose toujours cette question aux représentants du monde russe: quel intérêt à entrer en discussion avec des professeurs français pseudo-spécialistes de la Russie, prenant dès lors au sérieux leurs titres professoraux, leur grade doctoral et autres récompenses issues de l'entre-soi? Car, dans ce cas, puisque vous avez accepté les règles de vos pires adversaires sélectionnés au professorat par vos pires ennemis, cette *disputatio*, vous l'avez perdue. Il vous faut donc, afin de vaincre ces racistes systémiques anti-Blancs qui se sont spécialisés sur le monde russe, regarder la réalité en face et la porter à l'intention des universitaires internationaux puis du large public: ces slavistes universitaires français ne sont pas foutus de s'exprimer dans leur langue maternelle qui est le français sans commettre des fautes ridiculissimes. Leur maîtrise des langues slaves se limite toujours à quelques dizaines de phrases apprises par cœur tant bien que mal. Dès qu'ils s'en écartent, leur russe devient un balbutiement à peine compréhensible. Naturellement tout cela doit être couvert par une corruption féroce exercée en groupe, puis chaperonnée par le ministère de l'Enseignement supérieur, les flics et les juges. Fondez vous pour ce faire sur mon dossier universitaire français et vous démolirez à jamais chaque parole de ces commissaires français de la russophobie et de leurs acolytes des facultés des États voisins.

Depuis plus de 20 ans, ils calomnient mes recherches doctorales sur Vladimir Nabokov et Friedrich Nietzsche afin de les banaliser pour pouvoir les voler. Ce vol devait être perpétré par la deuxième génération après Pierre Pascal. Puisque ma thèse a été quand même soutenue, le clan a trouvé un *no-name* britannique pour piler ouvertement ma thèse de doctorat, reprenant l'ensemble des découvertes dont j'avais fait état dans mes articles sur Nietzsche et Nabokov publiés à travers le monde dans des revues universitaires [4]) et allant même jusqu'à recopier en anglais ma découverte sur Falter d'*Ultima Thule* comme le surhomme nietzschéen (à partir de la page 203 du plagiat que Michael Rodgers a soutenu un an après que

---

<sup>12</sup> Др. Анатолий Ливри. Институт философии РАН и уничтожение любомудрия // *Геополитика*. 2022. 9 августа. (L'Institut philosophique de l'Académie des Sciences de Russie ou l'annihilation de l'amour de la sagesse).

ma thèse non seulement a été défendue à l'Université de Nice, présentée dans des recensions académiques françaises en anglais et en français<sup>13</sup> mais aussi publiée en Russie la même année en langue russe). Le plagiaire va jusqu'à m'écrire en 2010 car il ne maîtrisait ni le russe ni l'allemand ni le français et voulait une copie anglaise de mon travail (voilà le résultat de la sélection négative des cadres universitaires : faire une thèse sur Nietzsche et Nabokov sans aucune maîtrise de l'allemand, du français ou du russe est une belle «méthodologie» qui témoigne de la dégénérescence appliquée par ces incultes professeurs de la russophobie et leurs créatures : plagiat puis réflexion stérile lancée dans un vide total). Il connaissait donc l'ensemble de mes thèses, avouait son incapacité à mener correctement ce travail et me faisait apprendre par sa hiérarchie britannique qu'il avait obtenu un poste universitaire après le plagiat de ma thèse de doctorat<sup>14</sup>.

### ***Un slaviste français illettré pour critiquer l'orthodoxie russe***

Dans le cadre du ministère de l'Enseignement supérieur français, il existe une section du Conseil national des universités s'occupant des langues slaves. Elle est présidée actuellement par Antoine Nivière. Il se présente comme un spécialiste de l'orthodoxie russe. Mais en analysant ses chefs-d'œuvre, l'on se rend compte que dans les banalités qu'il déverse dans des revues académiques et dans de grands médias francophones, il va de lieux communs en de lieux communs, comme je le décris dans mon ouvrage *Le Racisme systémique anti-Blancs: attaque de la religion traditionnelle d'un peuple caucasoïde qui veut le rester et qui a éternisé les bases anthropologiques dans sa Constitution, attaque de la sexualité normale entre un homme et une femme telle que transcrite dans le corps légal russe comme le désir de garder des repères moraux pluricentennaires (qu'ils soient religieux ou laïcs)*<sup>15</sup>. Vous désirez entrer en discussion scientifique avec Nivière, prenant au sérieux ses titres professoraux qu'il a obtenus grâce à un parcours servile au ministère de l'Enseignement supérieur français, et engager avec lui une *disputatio* sur la probité du Patriarche Cyrille, le principal hiérarque de l'Église orthodoxe russe? Là, vous allez perdre car vous vous abaisserez au niveau d'un fonctionnaire qui n'est même

---

<sup>13</sup> La thèse de doctorat d'Anatoly Livry, soutenue le 4 juillet 2011 à l'Université de Nice-Sophia Antipolis devant un jury international de six professeurs (<http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/doctorato12.pdf>), a été immédiatement répertoriée, avec un résumé en français et en anglais, sur des sites de références académiques: <http://www.theses.fr/2011NICE2011>.

<sup>14</sup> Dr Anatoly Livry. *Professeur Donald Barton Johnson: l'épitaphe d'un laquais plagiaire et raciste anti-Blancs* («Профессор Дональд Бартон Джонсон. Эпитафия на могилу лакея, плагиатора, антибелого расиста») // *Proceedings of the Academy of DNA Genealogy*. Boston-Moscou-Tsukuba. 2021. Vol. 14, №2. P. 264–274.

<sup>15</sup> Dr Anatoly Livry. *Le Racisme systémique anti-Blancs ou l'Holocauste des peuples blancs / Avec une préface de Professeur A. Klyosov*. Notre Lendemain, Moscou. 2022. 288 p.

pas capable d'écrire le français, ne maîtrisant pas les règles élémentaires de grammaire et d'orthographe de sa langue maternelle. Vous désirez combattre les réflexions envieuses de Nivière sur la fortune du Patriarche Cyrille et sur son amour du ski dans les Alpes<sup>16</sup>? Vous pouvez essayer, mais vous allez perdre car ce faisant, vous apportez du crédit aux divagations d'un petit fonctionnaire français qui, sur son lieu de travail, rémunéré par l'État français, fait tout pour cacher non seulement l'incapacité à exercer leur métier de ses camarades titrés, mais étouffe surtout avec acharnement leurs méfaits, et notamment le fait que des péripatéticiennes de son propre clan ont d'abord tenter de voler ma thèse de doctorat sur Nabokov et Nietzsche, puis, devant leur échec, ont poussé la jeune génération à réaliser ce plagiat. Ce faisant, ils n'agissent pas autrement que les voyous de l'ouvrage de 1908 de Basil Trachtenberg: les receleurs des vols (*барыги*), anciens voleurs sur le terrain, envoient de jeunes malfrats pour commettre des larcins [9, с. 5–6].

C'est sous cet éclairage qu'il faut regarder les actes de Nivière en tant que chef des commissaires de la russophobie de la section 13 CNU. Il se désigne par lui-même «expert» sur mon dossier<sup>17</sup>, ce qui lui permet de mieux étouffer mon dossier administratif envoyé au ministère de l'Enseignement supérieur français où les diffamations et les vols de son propre clan sont décrits. Pourtant les preuves de l'acharnement de ces russophobes professionnels sont claires et viennent même de leur propre clan, ainsi les publications académiques bilingues français/russe de René Guerra, ancien vice-président de la même section 13 du Conseil national des universités de la République française<sup>18</sup>.

Vous voulez entrer en discussion avec Nivière sur ses idées «scientifiques», sur sa «méthodologie» d'analyse? Vous allez perdre, car devant vous, se trouve une créature titrée et engagée, mais mue uniquement par les haines de son propre clan. Il fut l'un des rares doctorants de ce Jean Bonamour qui était incapable de mener une thèse de doctorat en France: issu de cette génération de professeurs slavistes d'après Pierre Pascal, il était impossible pour lui de s'exprimer en russe et, ayant des problèmes de *cuckoldisme* propres à toute la jeunesse de mai 1968, a fait venir une péripatéticienne éduquée en Union soviétique ainsi que le décrivent à maintes reprises des fonctionnaires du même CNU comme René Guerra qui explique

---

<sup>16</sup> Nivière, Antoine. Qui est Cyrille, le chef de l'Eglise orthodoxe russe et apôtre de la guerre en Ukraine? // *Franceinfo*, le 14 juin 2022.

<sup>17</sup> Cf. dossier du CNU de la section 13 de Dr Anatoly Livry pour la session 2023.

<sup>18</sup> Cf. p. ex. : René Guerra, Chevalier de l'Ordre National du Mérite, Chevalier des Arts et des Lettres, Maître de conférences honoraire, ancien directeur du Département Russe à l'Université de Nice – Sophia Antipolis, Agrégé de l'Université, Docteur HDR, «Thèse de doctorat d'Anatoly Livry ou les Soviétiques francophones contre le créateur» // *HERALD of the University of the Russian Academie of Education*. 2015. № 1. P. 49–52. URL: <http://anatoly-livry.e-monsie.com/medias/files/2015-01-49-52.pdf>

comment, n'ayant pu empêcher la soutenance de ma thèse de doctorat, cette heureuse acquisition de la slavistique française que Bonamour a repêchée parmi les chômeuses israéliennes a manipulé la soutenance de ma thèse de doctorat et puis, si l'on suit l'analyse de René Guerra, a utilisé Leving, issu de la même université de Jérusalem, pour chapeauter le plagiat de ma thèse de doctorat sur Nabokov et Nietzsche par Rodgers, lequel a soutenu, un an après ma propre soutenance, une thèse sur Nabokov sans maîtriser un seul mot de russe et sur Nietzsche sans connaître du tout l'allemand. Je vous rappelle que cette heureuse trouvaille de Bonamour actuellement à la retraite n'a même pas su empêcher les revues académiques de son propre système de s'étonner du fait que le plagiaire qu'ils avaient déniché ne mentionnait jamais la thèse de doctorat d'Anatoly Livry précédemment soutenue et éditée sous la forme de monographies dans plusieurs langues à travers le monde, depuis Saint-Pétersbourg<sup>19</sup> jusqu'à rue de la Sorbonne à Paris<sup>20</sup>. Il ne faut pas oublier naturellement que quand Rodgers a publié son plagiat de mon *Nabokov et Nietzsche* dans une maison d'édition de Londres, il a sombré dans un autre ridicule, indiquant qu'il avait bénéficié d'une béquille linguistique pour le russe (à savoir Sonia Bates), qui lui aurait permis de comprendre la langue maternelle de Nabokov, qui était aussi sa première langue de création. Cela se révèle faux si l'on se réfère à ma correspondance avec le gestionnaire de Bloomsbury Publishing: cette personne n'a pas aidé le plagiaire sur le plan philologique, mais l'a seulement aidé à choisir une photo: «*We have been in touch with Dr Rodgers who verified that he contacted Dr Livry in 2010. As Dr Rodgers mentioned at the time he does not speak adequate Russian, French or German and therefore sought for Dr Livry to apply for a grant from the Mikhail Prokhorov Fund to translate his work from Russian into English. The opportunity was missed as this grant was never pursued by Dr Livry which would have enabled Dr Rodgers to read 'Набоков-ницшеанец'. Dr Rodgers consequently could not engage in any depth with Dr Livry's work and so did not refer to it in his Book. Sonia Bates who you mention dealt with a single translation from a picture taken of the inside of Nabakov's notebook included in the Book*»<sup>21</sup>. La défense du plagiaire Rodgers se présente donc comme suit: le docteur en philologie Rodgers est trop

---

<sup>19</sup> Dr Anatoly Livry. *Physiologie du Surhomme (Физиология Сверхчеловека)*, Aletheia, Saint-Pétersbourg, 2011, 310 p. ISBN: 978-5-91419-430-4. Avec une préface de Nathalie Pakhsaryan, Professeur de littérature française à l'Université Moscou-Lomonossov et avec une postface de Renate Reschke, Professeur à l'Université Humboldt de Berlin, Président de «Nietzsche-Gesellschaft» Berlin-Naumburg.

<sup>20</sup> Dr Anatoly Livry. *Nabokov le nietzschéen*, Hermann, Paris, 2010, 313 p. ISBN: 978-2-70567-055-9. Avec une préface de Renate Reschke, Professeur à l'Université Humboldt de Berlin, Présidente de la Nietzsche-Gesellschaft Berlin-Naumburg et avec une postface de Nathalie Pakhsaryan, Professeur de littérature française à l'Université Moscou-Lomonossov.

<sup>21</sup> COURRIEL DE KATIE AITKEN-QUACK, BLOOMSBURY PUBLISHING, DU 21 MAI 2020.

illettré pour avoir commis ce vol, il a fait une thèse de doctorat sur Nietzsche et Nabokov sans lire ni le français, ni le russe, ni l'allemand! Ce déshonneur des slavistes français, israéliens, anglo-américains... a déjà été analysé dans des publications, soit académiques soit destinées à un plus large public<sup>22</sup>. Rodgers avait simplement derrière lui des slavistes du clan issu comme Buhks de l'Université de Jérusalem qui, basiquement russophones grâce à l'école soviétique, ont transcrit pour lui mes publications sur Nabokov et Nietzsche. En d'autres termes: Leving a fait publier le plagiat de Rodgers et l'a promu sur l'incitation de Buhks. Ensuite, il l'a fait publier aux Bloomsbury où il édite ses propres banalités – sans doute à compte d'auteur car les publications de ce type de plagiaires sont financées par leurs facultés. Tout cela, nos braves commissaires du CNU français doivent bien le couvrir bureaucratiquement avec toute la corruption que la République leur permet. Car s'ils font des leçons de morale aux hiérarques orthodoxes russes, ils s'arrogent eux-mêmes le droit de jouir d'une toute-puissance, le droit de mentir, d'organiser administrativement des mensonges et de dissimuler leurs mensonges comme l'ont d'ailleurs confirmé des juges de la république française et le porte-parole du ministère de l'Enseignement supérieur français<sup>23</sup>.

Cette corruption d'un spécialiste de l'orthodoxie russe qu'est le fonctionnaire français Nivière ne s'arrête naturellement pas là. Bien sûr il fustige le Patriarche Cyrille d'avoir critiqué les tendances LGBT occidentales<sup>24</sup>. L'on pourrait objecter à ce défenseur des thèses de la russophobie basique – qui n'est d'ailleurs elle-même qu'une séquence du racisme anti-Blancs planétaire – qu'un Chrétien lecteur des Évangiles devrait effectivement s'opposer à des pratiques sexuelles condamnées non seulement dans Lévitique 18:22, mais aussi à trois reprises par l'ancien rabbin Paul dans ses épîtres: dans 1Corinthiens 6:9, dans Romains 1:24 – 27 et dans 1Timothée 1:10. Mais entamer une discussion avec un apparatchik tel que Nivière qui propage les postulats les plus triviaux du racisme systémique anti-Blancs vous mènera droit dans le mur, car alors, vous acceptez d'emblée que ses titres de l'antique Université française derrière laquelle il se cache mais qu'il a, comme ses acolytes, entièrement saccagée lui permettent de commettre une forfaiture bien ciblée en tant que membre du Conseil national des universités français – cet établissement fondé en France en 1945 par des staliniens rentrés de Moscou avec Maurice Thorez, s'appêtant à faire l'union sacrée avec leurs pires ennemis trotskistes pour mieux démolir la France.

---

<sup>22</sup> Plagiarism of the doctoral thesis of Anatoly Livry "Nabokov and Nietzsche" // *Geopolitica*, Moscow. 2020. 5 August.

<sup>23</sup> Cf. Lettre du Ministère de l'enseignement supérieur du 8 février 2021.

<sup>24</sup> Nivière dans «Qui est Cyrille, le chef de l'Eglise orthodoxe russe et apôtre de la guerre en Ukraine?» // *Franceinfo*, le 14 juin 2022.

D'ailleurs, la «méthodologie» corruptionnelle du CNU tant vantée permet de former recours. J'ai utilisé cette possibilité dans une autre de mes spécialités académiques, à savoir la littérature générale et comparée gérée par la section 10 CNU. Nivière siège au sein de ce conseil de recours en tant que slaviste et s'il n'hésite pas à donner des leçons de bonne conduite au chef suprême de l'Église orthodoxe russe, il ne rechigne pas non plus à se désigner lui-même pour être mon «expert» au sein de ce groupe de recours pour mon dossier en littérature générale et comparée, comme il l'a fait en 2022 – matière qui relève cependant encore moins de sa spécialité. C'est à vous de voir comment vous considérez ces illettrés professeurs universitaires incapables d'écrire dans leur langue maternelle qui est le français, qui ne maîtrisent même pas le régime des verbes transitifs ou intransitifs.

En effet, je me frotte depuis des années à l'inculture des slavistes français, mais j'ai réellement été ébahi par les trois lignes et demie que ce professeur de l'Université française a rédigées en tant que président d'une section du Conseil national des universités français, ayant le français comme langue maternelle<sup>25</sup>. En effet, outre la ponctuation erratique qu'il n'a même pas pris le soin de corriger alors qu'il s'agit d'une décision rendue au nom de la République française, Nivière utilise malheureusement l'expression \*«attester de» (alors qu'attester est transitif direct). De même, l'on aurait pu attendre d'un professeur universitaire qu'il renonce à l'expression «s'avérer» avec adjectif, qui, même si elle est désormais admise, n'est pas des plus heureuses. Et idem pour l'expression «en termes de» qui signifie «dans le vocabulaire de»: Nivière l'utilise dans le sens très courant mais critiqué par l'Académie française qui consiste à employer «en termes de» pour dire «en matière de», «en ce qui concerne». Il s'agit d'un anglicisme caché... Tout cela s'ajoute au fait que Nivière, avec la section 13 CNU, ne maîtrise pas mon dossier administratif: la date de 2013 qu'il avait indiquée ne correspond pas à la réalité. Je suppose que ce professeur de philologie de langue maternelle française a totalement le droit de faire tout ce qu'il fait (fautes méprisables dans sa langue maternelle incluses), comme le CNU me l'a toujours signalé par toutes les voies officielles que j'ai convoquées. Le fonctionnaire Nivière, présidant l'ensemble des slavistes-apparatchiks, sombre dans l'incapacité ridiculissime à s'exprimer dans sa langue maternelle, commettant des fautes dignes d'un enfant de 11 ans et dissimulant derrière une exigence de «méthodologie» l'acharnement de son groupe à couvrir le plagiat de ma thèse de doctorat, ordonné par cette Buhks qui entretenait des rapports très intimes avec le directeur de la thèse de Nivière Bonamour, son unique réussite universitaire car son *cuckold* a apporté à cette «spécialiste» à la fois les papiers français et un poste à la

---

<sup>25</sup> Antoine Nivière, lettre du Ministère de l'enseignement supérieur et de la recherche français du 15 février 2023, <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/cnu-23-13.pdf>

Sorbonne: «Je me sens extrêmement redevable à l'égard de Jean Bonamour qui a partagé une partie de ma vie privée et fut un conseiller attentif ainsi qu'un ami fidèle»<sup>26</sup>. Saluons l'économie d'efforts de cette *professeuse* à la Sorbonne...

L'absurdité de ce grand spécialiste des hiérarques orthodoxes russes est d'autant plus flagrante qu'il dione suite par cette démonstration de son incapacité à s'exprimer dans sa langue maternelle à mon article qu'il avait reçu en tant qu'expert du ministère de l'Enseignement supérieur français sur un autre professeur universitaire, mon ex-collègue à la Sorbonne Bernard Franco, et dans lequel, sur des dizaines de pages, je démontre que ce dernier ne maîtrisait absolument pas le sujet de ce recueil d'articles publié par la Sorbonne sur l'Arabie heureuse, méconnaissant tant l'origine de cette expression que l'appareil scientifique qui s'y rapporte<sup>27</sup>. Il s'agissait donc de dissimuler sous un mélange de forfaiture et d'illettrisme la nullité flagrante de son cher collègue, en appelant toujours à la «méthodologie» de l'Université française<sup>28</sup>. Sur ce point, j'admets qu'il a raison: c'est cet élan vers l'analphabétisme qui est la prochaine étape de la normalité à franchir pour un professeur universitaire français. Mais ce que mes lecteurs du monde russe devraient poser comme question principale dans les articles qu'ils publieront dans des *peer-reviews* et dans leurs séminaires, c'est comment des apparatchiks aussi ridicules peuvent juger de sujets si précieux que ceux de l'Église et de sa gestion. Ils devraient ouvertement se demander comme ce mélange d'ignorance crasse et de permissivité administrative que l'on aurait bien envie d'appeler corruption peut-aboutir à la fonction d'expert auprès des politiciens français et européens sur le sujet de l'Holodomor, de Joseph Staline et des prétendus génocides soviétiques qu'aurait perpétrés l'actuel président russe Poutine? Ne serait-ce pas une forme d'acharnement anachronique et pseudo-scientifique russophobe? Une forme de complément aux sanctions économiques qui s'abattent sur la Russie?

### ***La russophobie comme la vengeance de la laideur d'une graphomane universitaire***

Continuons à analyser les lacunes et les failles de cette structure professionnellement russophobe forgée par quatre générations de nullités scientifiques toutes plus minables les unes que les autres qu'est la slavistique

---

<sup>26</sup> «Особенно обязанной себя чувствую Ж. Бонамуру, который разделил со мной часть жизненного пути и был чутким советчиком и верным другом» // Букс, Нора. *Эшафот в хрустальном дворце: О русских романах В. Набокова*. М. : НЛО, 1998, с. 9.

<sup>27</sup> Dr Anatoly Livry. «L'Arabie heureuse» de B. Franco, professeur à la Sorbonne // *Proceedings of the Academy of DNA Genealogy*. Boston-Moscou-Tsukuba. 2023. Vol. 16, N°2. P. 439–448. URL: <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/16-3-2023-439-448.pdf>

<sup>28</sup> Cf. p. ex.: Nivière, lettre du Ministère de l'enseignement supérieur et de la recherche français du 15 février 2023, <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/cnu-23-13.pdf>

française. Quand la génération de filles de joie sélectionnées par ceux qu'avait choisis Pierre Pascal en personne a commencé par elle-même à faire le tri dans ceux qui allaient lui succéder, elles ont buté sur la particularité propre aux perverses narcissiques: la génération des professeurs slavistes suivante devait être non seulement plus bornée et obstinée qu'elles, mais surtout plus laide. Le choix des futurs cadres étudiant Pouchkine, Tchékhov, Soljenitsyne ou l'histoire russe a donc été ardu.

Pour se rendre compte de ce phénomène, il faut traiter du cas de Lubov Jurgenson-Reichmann. C'est elle qui signe les appels russophobes dans les médias les plus fantaisistes, même pour la république française<sup>29</sup>. C'est elle qui a transformé les souffrances de mes ancêtres juifs pendant la Seconde Guerre mondiale en une hystérisation perpétuelle ainsi que je l'analyse dans mon article russe paru dans le journal *Le Lendemain* en août 2023<sup>30</sup>. J'ai côtoyé cette personne dès 2001, quand d'emblée, sans expérience universitaire, j'ai enseigné à des étudiants de troisième année (héritant ces cours d'une maîtresse de conférences partie à la retraite, Emelianova<sup>31</sup>). Sa thèse de doctorat axée sur le fameux GOULag n'est naturellement pas un travail scientifique vu qu'elle ne pose jamais cette question fondamentale: qu'ont fait ces centaines de milliers de trotskistes soviétiques une fois que leur maître a quitté l'URSS en 1929? Sont-ce eux qui furent ces premiers juges «staliniens» qui ont envoyé d'autres trotskistes dans ce GOULag fondé par leur maître Trotski (création d'ailleurs saluée par Pierre Pascal à Moscou)? Ces questions sont aussi taboues que la plupart de celles que je pose, d'autant plus si l'on se souvient que le trotskiste Pascal, ayant par la suite poursuivi sa carrière en France et sous l'Occupation sans le moindre mal, avait promu en 1942 cette image d'Épinal de la paysannerie russe, ce qui fait de lui un collaborateur de cet Holodomor de 1932–1933 dénoncé comme génocide par ses successeurs et par la république passablement française.

Jurgenson qui a fait toute sa carrière à la Sorbonne, participant année après année aux cours de Buhks. Elle dit avoir été fabriquée par Catteau ou Aucouturier, mais cela est faux. Elle était au service de la génération que ces deux-là avaient choisie. Ainsi, en 2006, lorsqu'Aucouturier et Buhks n'osent se rendre à la Maison

---

<sup>29</sup> Jurgenson étant, p. ex., signataire de «Il faut porter la cause de l'Ukraine à l'Assemblée nationale par Pour l'Ukraine, pour leur liberté et la nôtre!», l'incarnation d'un deux poids deux mesures qui se trouve promue dans les médias subventionnés parisiens.

<sup>30</sup> Др. Анатолий Ливри. Чёрные мессы в Сорбонне // *Завтра*. 2023.23 августа. С. 4. URL: <https://zavtra.ru/blogs/oskvernenie>

<sup>31</sup> Anatoly Livry a repris en 2001–2002 le cours de la MCF Emelianova et a enseigné, à Paris IV- Sorbonne, l'œuvre de Vladimir Nabokov à des étudiants de 3<sup>e</sup> année. URL: <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/sorbonne-3eannee.pdf>

---

de Pouchkine à Pétersbourg pour une conférence<sup>32</sup> que la Sorbonne elle-même avait financée (car un courriel avait annoncé qu'ils seraient sinon arrêtés par le FSB pour leurs actions russophobes), c'est Jurgenson qui a été envoyée pour expliquer la situation à Saint-Pétersbourg – comme une blanchisseuse essayant de faire partir les taches des draps d'une maison close.

Devant cette personne, toujours deux possibilités. Vous pouvez discuter du sexe des anges avec cette commissaire de la russophobie ou vous pouvez saisir le dossier administratif de mes relations avec le CNU pour vous rendre compte que quand, pour hériter de la place de Buhks qui faisait partie de la génération des péripatéticiennes académiques (comme le précise explicitement René Guerra: «Mais qui intervient comme second rapporteur sur le dossier de Livry en 2014 au sein du soviet des slavistes français – puisqu'il faut quand même un semblant de neutralité pour les apparences officielles? Pour remplir cette mission s'est offerte une certaine Jurgenson-Reichmann, slaviste de la même Sorbonne – un nouvel hasard! –, à laquelle un tristement célèbre Buhks lèguera dans quelques mois son poste de professeur... Un nouvel hasard naturellement... Aucune corruption!»<sup>33</sup>), Jurgenson s'est saisie de mon dossier comme «experte», elle était déjà en conflit personnel avec moi. L'«expertise» a été rendue en 2015, mais en 2010, elle avait participé à la constitution d'une plainte pénale commune contre moi. Je le sais car mon avocat parisien m'avait transmis le dossier diffamatoire à mon encontre et la participation de Jurgenson à cette cabale était évidente. Je lui ai naturellement indiqué l'acte de corruption qu'elle commettait en se prononçant sur mon dossier, mais cela n'a évidemment rien changé à sa détermination. Il s'agit donc d'un acte de forfaiture: Jurgenson a utilisé une procédure dite républicaine pour régler ses comptes et ceux de son clan avec son ennemi. Sans cela, sans doute n'aurait elle pas été qualifiée aux fonctions de professeur. Elle a d'ailleurs quitté la section 13 CNU après cette unique expertise pour laquelle elle avait été parachutée. Elle a cependant continué ses basses œuvres: cette «spécialiste du GOULag» a participé pendant plusieurs années au plagiat de ma thèse sur Nabokov et Nietzsche. Dans son expertise hautement indépendante et scientifique, cette apparatchik proclame la nullité de ma thèse. À la suite de cela, elle va à Bordeaux pour rencontrer la nabokovienne non russophone Poulin qui avait fait pression sur le jury de ma thèse

---

<sup>32</sup> «Крымский текст в русской культуре XVIII-XX веков» (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006).

<sup>33</sup> Traduction française d'Anatoly Livry: «Но кто же выступает вторым докладчиком по досье Ливри в 2014 в Совете Французских Славистов?! – ведь хоть какое-то подобие официальной «нейтральности»... На эту роль вызвалась некая Любовь Юргенсон-Райхман (Lubov Jurgenson-Raichman), славистка той же самой Сорбонны – новая случайность! – которой печально известная Нора Букс через несколько месяцев оставит своё профессорское место... Опять случайность, конечно же, не кумовство!» [8, с. 24].

pour que ne me soient pas accordées les félicitations du jury comme l'explique René Guerra: «Il convient également de noter que, lors des délibérations, madame Poulin a tout fait pour influencer les membres du jury afin qu'ils n'accordent pas à monsieur Livry les "félicitations". Par ailleurs, dans le rapport du jury, madame Poulin n'a transcrit ni toutes ses questions ni toutes les réponses de monsieur Livry, évitant soigneusement celles où il l'a ridiculisée» [1, p. 21].

Il est manifeste donc que, quand j'avance les preuves de l'influence de Nietzsche sur Nabokov, Jurgenson préfère prendre en référence Poulin, considérant ma thèse de doctorat comme une «hypothèse» dont les démonstrations seraient «floues». Cela lui est naturellement plus utile vu que cette fonctionnaire participe au vol collectif de ma thèse pour lequel elle est promue professeur. Cependant, quand il faut glorifier les plagiaires de ma thèse comme Leving, elle détourne les moyens de la Sorbonne pour recevoir les camarades de Jérusalem de Buhks: «Mme Isabelle Poulin, quant à elle, semble douter de la pertinence des hypothèses de M. Livry. "Les rapports entre les deux pensées sont loin d'être aisés à établir, et on s'y perd un peu". La filiation devrait, selon elle, "être nuancée". "On a en effet la sensation que l'hypothèse de M. Livry – celle d'une "permanence des références" – est prêtée sans plus de preuves à Nabokov»<sup>34</sup>. Pour terminer, quand le scandale du plagiat groupusculaire éclate sur la scène internationale, elle fait venir à la Sorbonne Leving, le mentor du plagiaire britannique<sup>35</sup>. Telle est la «méthodologie» que Jurgenson a héritée, à savoir le ricanement face au déshonneur public – attitude propre à leur métier.

Naturellement, l'ensemble des commissaires politiques de la russophobie qu'est la section 13 du CNU a soutenu avec acharnement Jurgenson. Ils sortent du même *cerebral sorting*. Ainsi, si j'avais pu obtenir pour mon enseignement l'expertise de la professeur en russophobie Jurgenson, cette transparence ne devait plus jamais se répéter pour ces personnes tellement soucieuses des libertés – tant qu'il s'agit de les réclamer pour la Russie ou la Biélorussie. Sur l'ordre de Jurgenson et de celle qui l'avait sélectionnée pour devenir professeur, il est, depuis son «expertise scientifique» – autrement dit depuis la session CNU 2015, – interdit que me soient transmis les rapports qu'établissent ces «experts» «slavistes» de la section 13 CNU sur mon dossier. Depuis l'année suivant celle où Jurgenson a rendu son «expertise» sur mon dossier – et cela est officiel, – ces professeurs russophobes peuvent se réunir et collectivement décider de ma carrière universitaire en France

---

<sup>34</sup> Rapport CNU de la section 13 de la session 2015 du fonctionnaire Jurgenson p. 2, <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/jurgenson-poulin.pdf>

<sup>35</sup> «07 mai 2021 | 16h-18h, Yuri Leving (Dalhousie University)», Samson dont Jurgenson était un membre actif en 2021. URL: <https://lettres.sorbonne-universite.fr/evenements/programme-samson-repenser-les-normes-societales-en-europe-centrale-et-orientale>

---

et poursuivre le plagiat de ma thèse sur Nabokov et Nietzsche en en fustigeant la «méthodologie» – alors qu'ils avaient été mes premiers éditeurs<sup>36</sup> et qu'ils avaient lancé ma carrière universitaire quand ces péripatéticiennes espéraient peut-être encore avoir avec moi quelque contact plus «personnel», ce qui est encore une source du ridicule de l'Université française comme l'explique René Guerra dans sa publication académique: «Monsieur Livry, qui avait commencé son enseignement à Paris IV – Sorbonne tout en amorçant ses travaux de thèse en slavistique avec cette même Nora Buhks, n'a pas pu, pour des raisons maintenant excessivement connues et ridicules pour l'Université française, mener ce travail avec elle» [2, p. 50]. Et pour leurs actes et leurs jugements, ils n'ont, d'après leur propre «méthodologie», de compte à rendre à personne.

Vous pouvez toujours essayer de lutter contre ce type de créatures vindicatives vis-à-vis du monde entier car méprisées par les mâles et donc incapables d'attirer leurs regards si elles ne brandissent pas leur professorat. Toute discussion avec ces fonctionnaires récompensées par Macron pour leurs forfaitures par la Légion d'honneur, vous la perdrez car vous aurez alors accepté leurs propres règles du jeu<sup>37</sup>. Mais vous pouvez vous saisir notamment de mon dossier pour voir que cette Jurgenson, maintenant vice-présidente de la filiale parisienne de Memorial (interdit en Russie), est elle-même une mythomane : la manière dont elle présente sa vie varie selon les médias dans lesquels elle s'exprime. Tantôt cette illustre spécialiste de l'histoire stalinienne se déclare juive et à ce titre persécutée en

---

<sup>36</sup> Cf. p. ex. Anatoly Livry, «La Méditerranée de Nietzsche dans l'œuvre de Nabokov», *Slavica Occitania*, Toulouse, éd. Professeur Roger Comtet, 2002, p. 56-65.

Acte du colloque «Lectures nabokoviennes», Saint-Pétersbourg, avril 2001. Texte d'intervention de Anatoly Livry, alors jeune doctorant à la Sorbonne est lu par Boris Averine professeur à l'Université de St.-Pétersbourg, – ce qui n'a pas empêché de plagier ces recherches devenues une partie de la thèse de doctorat de A. Livry sur Nabokov et Nietzsche.

<sup>37</sup> Jurgenson a eu sa Légion d'honneur pour ses activités d'«auteur», mais si on s'y intéresse de plus près, on découvre que chacune de ses publications a été éditée par une institution où elle s'est fait parachuter en tant que larbin pour servir la ligne générale française. Elle intervient tantôt comme co-auteur de ses collègues voire de son ex-mari, tantôt comme gestionnaire d'une maison d'édition subventionnée. Elle est la fonctionnaire d'une pornographie mémorielle – dixit un célèbre acteur satirique breton-camerounais – et le ressentiment de cette laide devient payant: elle est à la fois «analyste» et «victime». Par ailleurs, quand Jurgenson règle ses comptes avec moi en tant qu'«expert» du CNU, fustigeant ma «méthodologie», elle s'attaque à la quinzaine de mes éditeurs académiques berlinois qui m'avaient publié comme spécialiste en philologie allemande (Walter de Gruyter ou Akademia Verlag) au sein de la Nietzsche-Gesellschaft – sans parler du nombre quasi égal des éditeurs de mes actes de colloque à l'Université d'État de Russie, lesquels actes sont presque totalement consacrés à mes découvertes sur Nietzsche. Peu importe à Jurgenson ce mépris de la tradition académique occidentale: c'est une servile fonctionnaire obsédée par le fait de venger sa laideur via son professorat à la Sorbonne. Elle fera donc tout ce qu'on lui ordonne, depuis la participation au plagiat de ma thèse de doctorat sur Nabokov et Nietzsche jusqu'à la fabrication d'un nouveau Staline du XXI<sup>e</sup> siècle – car un président d'un monde russe traditionaliste ne peut être autre chose.

URSS («[...] tous les discours antisémites que j'avais entendus, je les reprenais tous à mon compte [...]»), tantôt Jurgenson explique qu'elle méconnaissait sa judaïté: «D'ailleurs, je ne savais pas que j'étais juive, je l'ai su juste avant mon départ...»<sup>38</sup>. Une laide à ce point capable d'inspirer le mépris chez les hommes est à plaindre, Pourtant, sur son infériorité et son ressentiment, Jurgenson a su bâtir une carrière professorale — celle d'une russophobe «scientifique».

Ce golem de la russophobie, pour parvenir à ses fins et se prouver à elle-même qu'elle peut exister quelque part, a bâti une telle tour de Babel que, pour cacher sa propre mythomanie, cette experte et vice-présidente de Memorial en France est obligée de recourir aux gendarmes. Mais il suffit que des scientifiques se saisissent de mon dossier sur l'Université française et ce que des générations professorales de filles de joie ont construit s'effondrera devant les yeux de la communauté scientifique internationale.

Voici ma conclusion chers collègues académiques:

Vous pouvez toujours essayer de combattre sur leur propre terrain ces golems nommés professeurs par leurs semblables et qui offrent des garanties universitaires à des résolutions parlementaires traitant la Russie, ses dirigeants et son peuple de génocidaires dans un charabia pseudo-historique que ces russistes russophobes ont fabriqué aux frais des contribuables français (car ce ne sont pas de simples russophobes, mais des apparatchiks étatiques de la haine anti-Russes). Mais comment pourriez-vous accorder du crédit à leurs déclarations schizophréniques prétendant qu'en tant que fonctionnaires et élus du CNU, ils ont parfaitement le droit à s'adonner à la forfaiture dans leur domaine et à l'illettrisme dans leur spécialité mais que, quand il s'agit de juger le passé récent, ils sont d'emblée des experts impartiaux? Ne vous laissez pas aveugler par ce «truc» d'escamoteur. Prenez plutôt mon dossier sur les bassesses commises collectivement par ces russophobes notamment au sein du CNU, lequel se fonde sur une connaissance profonde de leur fonctionnement et de leur «méthodologie». Rendez compte de vos conclusions sur leur nullité scientifique et sur leur forfaiture consubstantielle dans des *peer-reviews* et en plusieurs langues. Ainsi, vous dynamiterez non seulement la renommée, et le crédit, de quatre générations de slavistes russophobes français, mais surtout l'aboutissement de leurs agissements pitoyables. Vous annulerez, car fondées sur de fausses expertises, les résolutions des parlementaires français sur les génocides soi-disant commis par la Fédération de Russie et rendrez caduc le mandat d'arrêt international lancé contre le président russe.

---

<sup>38</sup> Jurgenson lors d'une intervention radiophonique à Paris du 16 septembre 1981.

### Littérature / Литература

1. Guerra, René. Nietzsche, Nabokov et docteur Anatoly Livry // Вестник Университета Российской Академии Образования. 2015. № 4. С. 21–23. URL: [https://istina.msu.ru/media/publications/article/c2b/oda/10634593/Vestnik\\_2015\\_04.pdf](https://istina.msu.ru/media/publications/article/c2b/oda/10634593/Vestnik_2015_04.pdf)
2. Guerra, René. Thèse de doctorat d'Anatoly Livry ou les Soviétiques francophones contre le créateur // HERALD of the University of the Russian Academie of Education. 2015. № 1 (74). P. 49–52. URL: <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/2015-01-49-52.pdf>
3. Livry, Anatoly. L'Académie française : une crapule immortelle // Proceedings of the Academy of DNA Genealogy. Boston-Moscow-Tsukuba. 2020. Vol. 13. №<sup>o</sup>1. P. 139–146.
4. Livry, Anatoly. La Méditerranée de Nietzsche dans l'œuvre de Nabokov // Slavica Occitania, Toulouse, éd. Professeur Roger Comtet. 2002. P. 56–65.
5. Livry, Anatoly. L'Université, cet élan vers un singe omnipuissant // Proceedings of the Academy of DNA Genealogy. Boston-Moscou-Tsukuba. 2022. Vol. 15, №<sup>o</sup>1. P. 160–170.
6. Pascal, Pierre. L'entr'aide paysanne en Russie // Revue des études slaves. 1942. Tome 20, fascicule 1–4. P. 82–90.
7. Бирюков, С. В., Барсуков, А. М. Анатолий Ливри: от литературоведческих штудий – к пониманию современных социокультурных процессов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. 2018. № 44. С. 27–33 (Biryukov S.V., Barsukov A.M. Anatoly Livry: from literary studies to realising the modern sociocultural processes // Bulletin of kemerovo state university of culture and arts journal of theoretical and applied research. 2018. №<sup>o</sup>44. P. 27–33).
8. Гerra, Рене. Бездарности французского университета против Анатолия Ливри // Вестник Университета Российской Академии Образования. 2015. № 4. С. 23–27. URL: [https://istina.msu.ru/media/publications/article/c2b/oda/10634593/Vestnik\\_2015\\_04.pdf](https://istina.msu.ru/media/publications/article/c2b/oda/10634593/Vestnik_2015_04.pdf)
9. Трахтенберг, В. Ф. Блатная музыка («Жаргонь» тюрьмы) / Под ред. и с предисловием проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; Тип. А. Г. Розена, 1908. 116 с.

~



## Пространство культуры



УДК9.522.1; 929.55 [821.161.1]

**Кожин Владислав Владимирович**

Главный хранитель,  
ГБУК РК «Крымский литературно-художественный  
мемориальный музей-заповедник»,  
Дом-музей А. П. Чехова в Ялте;  
Российская Федерация, Ялта, e-mail: kozjin@bk.ru

### **ГУРЗУФСКИЙ МИР МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ: ДОКУМЕНТАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*В данной статье упорядочены опубликованные ранее отрывочные сведения о пребывании в Гурзуфе Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941) в 1911 году. Также на основании отдельных вновь выявленных фактов и документов впервые детально и последовательно прослежена жизнь поэта на гурзуфской земле, выявлен круг её творческих интересов.*

*Также посредством новых и атрибутированных ранее неопубликованных свидетельств представляется возможным изучить и точно определить истинное место проживания Марины Цветаевой, что открывает перспективу реконструкции музейного мемориального пространства, отражающего в полной мере единую картину жизни и творчества поэта в Гурзуфе<sup>1</sup>.*

**Ключевые слова:** русская литература, Серебряный век, М. И. Цветаева, 1911 год, Гурзуф, Крым, Крым курортный, историческая реконструкция, история быта, краеведение, музееведение.

---

<sup>1</sup> Работа по научной реставрации и музеефикации Дома филолога Б. В. Томашевского входит в комплекс задач ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

Wladyslaw W. Kozhin

State Budgetary Institution of Culture of the Republic of Crimea  
«Crimean Literary and Artistic Memorial Museum»,  
A. P. Chekhov house-museum in Yalta;  
Russian Federation, Yalta

## THE GURZUF WORLD OF MARINA TSETAEVA: ASPECT OF DOCUMENTARY AND GEOGRAPHY

**Abstract.** *This article organizes previously published fragmentary information about the presence of Marina Tsvetaeva (1892–1941) in Gurzuf in 1911. Also, on the basis of certain newly revealed facts and documents about the poet's life there, in first time was researched the range of her creative interests in detail and consistently, reflecting Tsvetaeva's impressions of the resort.*

*Also, on the basis of newly identified and attributed previously unpublished evidences, it seems possible to study and accurately determine the true place of Marina Tsvetaeva living, which opens up the prospect of reconstructing the memorial museum space, which fully reflects a unified picture of the life and work of the our great poet in Gurzuf.*

**Key words:** *Russian literature, Silver Age of Russian poetry, Tsvetaeva Marina, 1911, Gurzuf, Crimea, resort Crimea, historical reconstruction, life history, local history, museum business, museum science.*

### Для цитирования:

Кожин, В. В. Гурзуфский мир Марины Цветаевой: документально-географический аспект // Гуманитарная парадигма. 2023. № 3 (26). С. 35–53.

*Со мной в руке — почти что горстка  
пыли —  
Мои стихи! — я вижу: на ветру  
Ты ищешь дом, где родилась я — или  
В котором я умру.*

*Марина Цветаева  
«Тебе — через сто лет...»  
(фрагмент), 1919 г.*

Наверное, не было на земле для Марины Цветаевой места, которое бы она любила так искренне и живо, как Крым. «Крым она искала везде и всюду — всю жизнь...», — писала о своей удивительной матери, талантливейшем из поэтов XX века, её дочь Ариадна Эфрон [22]. Самым благословенным для Цветаевой местом в Крыму определён был Коктебель — это и Волошин, и

погружение в общество поэтов-единомышленников, с которыми тогда ещё совсем юная восемнадцатилетняя Марина — на равных, и первая встреча с Сергеем Эфроном. Цветаева сама выделяла особо это место на карте своей жизни. Потом — Феодосия, «малый Стамбул», с причудливыми улочками и живописной пестротой восточного края; после — Севастополь, — героический и опрятный, и Ялта — курортная, яркая, во многом европейская, совсем как Монте-Карло или Ницца в миниатюре. «Ялта-красавица» — Ялта-школьная, где юная Марина училась в гимназии, Ялта-патриархальная, где в причудливом каменном замке жили родственники сводного брата Андрея Цветаева, Иловайские<sup>2</sup>.

Но на карте Крыма было ещё одно место, где Цветаевой довелось бывать и творить, — Гурзуф. И если Коктебель для неё — это Волошин: «Макс полынного веночка и цветной подпояски, Макс широченной улыбки гостеприимства», то Гурзуф — это первый в жизни Цветаевой поэт — Пушкин. И всегда живой, и такой близкий для Цветаевой образ «светила русской литературы» не связан с абстрактным «лирическим местом», не навеян сугубо ялтинскими пейзажами и крутизной ялтинских улочек — не «сочинён», нет. География вполне реальна — это Гурзуф, который Цветаевой в её стихотворении «Встреча с Пушкиным» прямо не назван, но безошибочно определяется по Аю-Дагу:

*Я поднимаюсь по белой дороге,  
Пыльной, звенящей, крутой.  
Не устают мои легкие ноги  
Выситься над высотой.*

*Слева — крутая спина Аю-Дага,  
Синяя бездна — окрест.  
Я вспоминаю курчавого мага  
Этих лирических мест...*

«Встреча с Пушкиным», 1913 г., Ялта

---

<sup>2</sup> Степан Павлович Иловайский приходился троюродным братом историку Дмитрию Ивановичу. Об исторических сочинениях своего «сводного деда», Дмитрия Ивановича Иловайского, Марина Цветаева писала: «Однажды, раскрыв его учебник, я попала глазами на следующее <...> примечание: Митридат в Понтийских болотах потерял семь слонов и один глаз». Глаз — понравился <...>. Стала читать дальше, — и раньше, и после, и древнюю, и среднюю, и новую, и вскоре убедилась, что всё, что он пишет — вижу <...>. Что тут живые лица, живые цари и царицы — и не только цари: и монахи, и пройдохи, и разбойники!..»

С. П. Иловайский с супругой Капитолиной Михайловной владели в Ялте дачей «Омюр». Здесь в 1898–1899 году жил А. П. Чехов, бывали А. М. Горький и Л. Н. Толстой. Сюда М. А. Волошин приходил к А. П. Чехову (в настоящий момент — музей «Чехов и Крым» в составе ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»).

Подъём — это побег прочь от суеты, от XX века. Цветаева мысленно переносится в начало века XIX-го — память о Пушкине жива, её обожание — живо. Цветаева отличный визионер и чрезвычайно точный и правдивый поэт<sup>3</sup> — поэтому уверены, что в стихах она достоверно передаёт топографию места. Аю-Даг у неё слева, а синяя бездна — окрест, и значит со всех сторон. «Выситься над высотой» — это словно о Дженебез-Кая, Генуэзской скале. Стало быть, автор идёт на известняковый мысок рядом с той самой скалой, где когда-то была одна из башен древней крепости<sup>4</sup>. И где же ещё в Крыму встретить тень поэта? В Гурзуфе, в доме, где Пушкин прожил три недели летом 1820 года.

До сих пор остаётся открытым вопрос о том, посещала ли Марина Цветаева Музей Пушкина в Гурзуфе, существовавший и до революции<sup>5</sup>. И хотя в письмах к сестре Анастасии о пушкинских местах Марина Ивановна писала общо, едва ли можно допустить, что, посетив курорт, Цветаева не воспользовалась возможностью прикоснуться к чему-то материальному, сохранившемуся от пушкинского времени. И теперь мы, живущие сто лет спустя, задаёмся целью найти дом поэта, только не тот, где смерть, а тот, где была/есть жизнь. Гурзуф — маленький посёлок у синего моря — для Цветаевой, словно чистилище перед раем-Коктебелем, ведь жизнь обещала

---

<sup>3</sup> О взыскательности к правде и точности в стихах красноречиво свидетельствует великолепный пассаж из Сводной тетради 1.19 относительно черновой «заготовки»:

*Как знали | и звали... как сладко веяли  
Азалии, далии над Офелией  
Как ткали и пряли ей ризы бальные  
Азалии, далии и ветви миндальные  
О, сладость — дай её!  
О, младость — дли её!  
Азалии, далии,  
Азалии, лилии...*

Эти изумительной красоты и мелодичности строки «вычеркнуты» из поэтического эскиза ибо неправдивы, с замечанием поэта: «(Не пригодилось, ибо ни азалии, ни далии не пахнут, следовательно: не веют)» [20, Т. 8, с. 5].

<sup>4</sup> И теперь легко найти это место в Гурзуфе, встать так, чтобы слева был Аю-Даг, а море — окрест, бухта — Чеховская, а скала — Пушкинская; сейчас это территория Артека и Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника.

<sup>5</sup> В архиве Российской государственной библиотеки хранятся отчёты Дома-музея А. П. Чехова за 1920–1921 годы. Так, в одном из первых годовых отчётов М. П. Чеховой музей А. С. Пушкина упомянут в числе действующих до революции 1917 года. В издании А. Полканова 1930 года о Крыме можно встретить такие строчки: «Дом [в Гурзуфе, где жил Пушкин — *Примеч. наше*] до последнего времени, пока не был использован под дом отдыха, он всей своей внутренней обстановкой эпохи 30-х годов XIX в. давал живую картину современной Пушкину эпохи» [5, с. 92].

быть такой прекрасной<sup>6</sup>. В этом живописнейшем курортном городке Марина Ивановна прожила целый месяц не позднее 6 апреля (датировка в соответствии с письмом М. И. Цветаевой М. А. Волошину с пометкой «Гурзуф, 6-го апреля 1911 г.») по 3 мая 1911 года (из воспоминаний Цветаевой об отъезде на пароходе из Гурзуфа в Судак 3 мая, а также даты открытия, направленной Волошину из Судака). В фондах РГАЛИ сохранился уникальный документ — паспортная книжка М. И. Цветаевой, выданная ей 1 апреля 1911 года приставом 2-го участка Арбатской части Москвы, где имеется следующая запись: «В дер. Гурзуф явлен и записан в книгу д. Соловьевой 7 апреля 1911 г.» [6, л. 8].

Однако в большинстве биографических публикаций о Цветаевой Гурзуф либо не упоминается вовсе, либо заслуживает кратких упоминаний. Из летописи гурзуфского месяца Марины Цветаевой (которая выбрала для себя отнюдь не гостиницы Губонина с ваннами подогреваемой морской воды, а живое море и его неутомимый шум у самого краешка земли, возможность бродить по пушкинским местам, взбираться на развалины крепости, вдохновляться — без малого, обдумывать новый сборник<sup>7</sup>), могла бы получиться целая глава романа-жизни.

Итак, наиболее красноречиво жизнь в Гурзуфе описывает сама Цветаева в письме к Волошину от 6 апреля. Приведём его фрагментарно, сделав акцент на важнейших моментах, которые позволяют точно обозначить место проживания М. И. Цветаевой в Гурзуфе и выявить необходимый в музейной работе элемент мемориальности места.

*«Многоуважаемый Максимилиан Александрович,*

*Я смотрю на море — издалека и вблизи, опускаю в него руки — но все оно не мое, я не его. Раствориться и слиться нельзя. Сделаться волной?*

*Но не буду ли я любить его тогда? <...>*

*Цветет абрикосовое дерево, море синее, со мной книги...*

---

<sup>6</sup> 1911 год для Марины Цветаевой был богат на подарки судьбы: он закрепил успех первого сборника «Вечерний альбом» (1910) (читать — уверенность в своём призвании), подарил дружбу Волошина, и Коктебель, и сердоликовую бусу (читать — Сергея Эфрона). Вероятно, в этот ряд моет быть вписана «встреча» с Пушкиным на гурзуфской земле.

<sup>7</sup> Книга Цветаевой «Волшебный фонарь» вышла в 1912 году и была встречена сдержаннее «Вечернего альбома»: «...те же темы, те же образы, только бледнее и суше...стих уже не льется весело и беззаботно, как прежде; он тянется и обрывается...» — писал Н. Гумилев. Сдержанность критиков ранила молодого поэта и заставило задуматься над своей поэтической индивидуальностью. Тогда Цветаева начинает поиск нового поэтического «я». Кроме того на второй сборник откликнулись негативно Б. Лавренёв (под псевдонимом Б. Сергеев, Жатва. 1912), В. Брюсов (Русская мысль. 1912. № 7), В. Ходасевич (альманах «Альциона», кн. 1, 1914) и др. Сейчас стихотворения из «Волшебного фонаря» признаны юношеской классикой М. Цветаевой.

---

*Читаю сейчас Jean Paul'a "Flegeljahre"<sup>8</sup> — бесконечно очаровательную, грустно-насмешливую, неподдельно романтическую книгу.*

*Наша дача — "моя" звучит слишком самоуверенно — над самым морем, к которому ведет бесчисленное множество лестниц без перил и почти без ступенек. Высота головокружительная. <...> Здесь еще довольно холодно. Сейчас лежала на скале и читала милые Flegeljahre. Эта скала называется крепостью, с нее чудный вид на море и Гурзуф.*

*В надписях на скалах есть что-то или очень пошрое, или очень трогательное — я еще не решила. Когда решу, буду или очень нападать на них, или очень защищать. Если бы только они были немного поумнее!*

*Я очень сильно загорела — все время сижу без шапки.*

*Мечтаю о купанье, но оно начинается только в мае. Может быть, это и есть самое тесное сближение с морем? Предпоследнее, конечно! Непременно напишите, что Вы об этом знаете.*

*Общество, выражаясь скромно, не совсем то: господин с дамой (бывают "дама с господином", но здесь наоборот), дама с колясочкой, два неопределенных субъекта — смесь с<оциал>-д<емократа> с неучем — и все. Есть еще несколько маленьких детей, но до того грязных, что вся моя нежность от этого пропадает.*

*<...> Всего лучшего, иду гулять.*

*МЦ.*

*Адр<ес>: Гурзуф, Генуэзская крепость, дача Соловьевой, мне. [20, Т. 6].*

Из письма узнаём, что дача, в которой Марина Ивановна снимала комнату, находится над самым морем, на головокружительной высоте, а к дому взбегают множество плохо оборудованных лестниц. Такое описание соответствует строению, сохранившемуся до сего дня в несколько изменённом виде, — Дому филолога Б. В. Томашевского<sup>9</sup>. Время постройки этого одноэтажного дома на отвесных, почти 10-метровых скалах, над самой водой моря — конец XIX века (не ранее 1885 года [9; 12]). В начале XX века (судя по растиражированным открыткам и фотодокументам) дом действительно стоял на голых скалах, и спуститься к морю (буквально прямо в море) можно было по вырубленным или сложенным из естественных камней ступеням, которые

---

<sup>8</sup>Жан Поль (настоящие имя — Иоганн Пауль Фридрих Рихтер; (1763–1825) — немецкий писатель, автор романа "Озорные годы" (нем.).

<sup>9</sup> Дача Томашевского, Учительский домик (Гурзуф, ул. Чехова, 24 (лит. «А») навсегда связан с именем известного русского филолога-пушкиниста Б. В. Томашевского (1890–1957), взявшего в 1947 у Гурзуфского поселкового совета дом в аренду на 20 лет. На тот момент дом состоял из 3-х комнат и кухни, попасть к нему можно было двумя путями — по нынешней улице Чехова и по переулку Чехова. А на соседнем участке ежегодно лето и осень проводила О. Л. Книппер-Чехова.

регулярно осыпались и размывались. Только ближе к середине 1910-х годов появились подпорные стены, сохранившиеся до сих пор и балюстрада с вазонами (теперь практически полностью утраченная).

Владелицей этого дома в 1910-х годах была О. М. Соловьёва<sup>10</sup> [1; 9; 14, с. 187]. Домик стал одной из её дач<sup>11</sup>, был облагорожен по её вкусу: с юга позже появилась веранда в восточном стиле [4], также в мавритано-турецком стиле были решены парадные залы курорта Суук-Су [8; 12], что указывает на единство архитектурного вкуса заказчика. Дом этот многократно запечатлён на полотнах К. Коровина [1; 9], а затем и всех работавших в Гурзуфе художников. Действительно, этот чрезвычайно живописный архитектурный объект дореволюционного Гурзуфа можно увидеть практически на всех фотографиях и пейзажах посёлка конца XIX — начала XX века.

О том, что Марина Цветаева жила именно в этом доме, пишет известный архивист и краевед Н. М. Макарухина, ссылаясь на ранее процитированное нами письмо Цветаевой М. Волошину [9; 14, с. 187]. Однако примечательна одна из локаций указанного Цветаевой адреса, а именно: «Генуэзская крепость». Это может запутать читателя, так как Генуэзской крепостью (или Горзувитами) назвалась древняя крепость, расположенная на прибрежной скале Дженебез-Кая. Там на высоте, а вовсе не внизу, у моря, Цветаева читает книгу. В путеводителе Г. Москвича в 1913 году находим следующее описание: «...дер<евня> Гурзуф, дома и сакли которой лепятся друг над другом и спускаются к бухточке живописным амфитеатром. В центре деревни высятся стройный минарет и купол мечети. — Развалины генуэзской крепости входят в состав земли дачи Соловьёвой» [15]. Схожее, но более точное описание местности содержит выдержавший множество изданий путеводитель «Крым» под редакцией К. Ю. Бумбера: «Деревня Гурзуф расположена амфитеатром по юго-западному склону горы, впадающей в море,

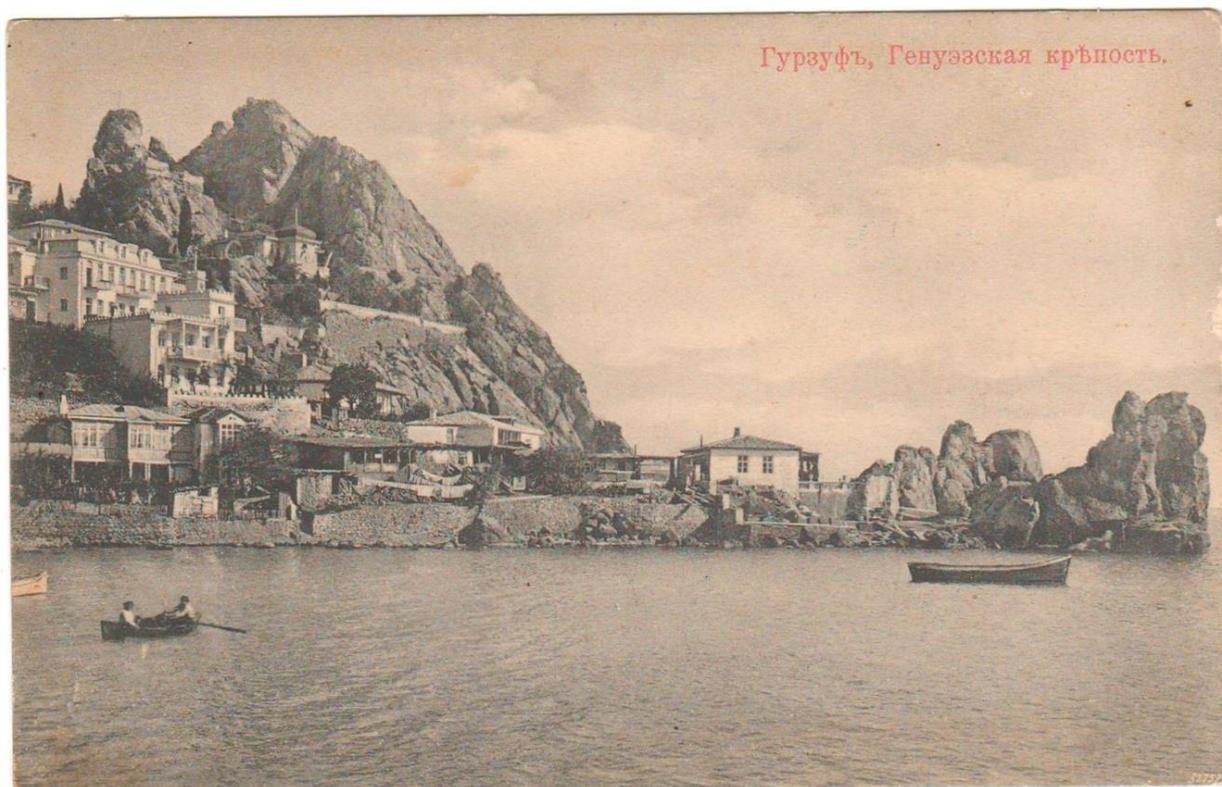
---

<sup>10</sup> Ольга Михайловна Соловьёва (1865–1935) — русская купчиха и благотворительница. С 1886 года неофициально являлась женой русского инженера-мостостроителя Владимира Ильича Березина, вместе с которым в 1895 году поселились в Ялте. В 1897 году они купили у баронессы М. А. Шеппинг участок земли в 40 га на берегу Чёрного моря между Гурзуфом и Аю-Дагом, носивший название Суук-Су, и решили построить на нём не только дачу для себя, но и доходный курорт по типу европейских. Ольга Михайловна выделила несколько тысяч рублей на содержание земской школы в Гурзуфе и 10 тысяч рублей на строительство санатория для чахоточных больных «Яузлар» в Ялте. В сентябре 1917 года подарила Еврейскому благотворительному обществу Алушты участок земли, который «должен быть обращен лишь на просветительские нужды Общества». Была дружна с К. А. Коровиным, А. П. Чеховым, Ф. И. Шаляпиным.

<sup>11</sup> Дом Соловьёвой-Томашевского часто принимали за дачу А. П. Чехова, расположенную по соседству. А. Г. Головачёва в очерке «Красавица Березина» отмечает: «Как только Чехов приобрёл дачу в Гурзуфе, он сразу же был приглашён Соловьёвой навестить её по-соседски: «Вчера я был в Гурзуфе, обедал у той очень красивой (такой красивой, что даже страшно) дамы, с которой познакомил нас М-ме Бонье» [8, с. 74].

и состоит из татарских домиков и саклей и более или менее устроенных дач. На вершине скалы (на земле Соловьевой, владелицы Суук-Су) находятся развалины старой генуэзской крепости. Ниже развалин стоит красивая дача Соловьевой...» [13].

А у А. Бесчинского ещё в 1902 году значится: «В конце деревни, на побережье, по направлению к Аюдагу, есть ряд участков, принадлежащих гурзуфским татарам. Участки эти охотно раскупаются для постройки дач; лучшая из дач принадлежит художнику Выезжеву<sup>12</sup>, рядом с ней дача А. П. Чехова» [7, с. 336]. Действительно, на каменистом склоне, с юго-западной стороны скалы Дженебез-Кая находилась дача художника А. Н. Выезжева, часто именуемая «Генуэзская крепость» (ныне ул. Чехова, д. 18 [14, с. 187]). Впоследствии она была продана О. М. Соловьёвой, но лишь в 1914 году [10].



*Гурзуф, вид на Генуэзскую скалу.*

*Почтовая открытка (около 1915–1916 года) [3].*

*Белый дом на каменистом мысу — О. М. Соловьёвой, впоследствии Дом филолога Б. В. Томашевского. Несколько ниже скалы запечатлена дача художника Выезжева. Торцом к зрителю, по соседству с указанными дачами — дача А. П. Чехова.*

<sup>12</sup> Выезжев (Вызжаев) Александр Николаевич (1865–1918), живописец, график. Убит в 1918 году в ходе погромов в Гурзуфе, похоронен там же. В фондах Севастопольского художественного музея им. М. П. Крошицкого сохранился рисунок Э. А. Штейнберга «В мастерской Выезжева. Гурзуф» 1902 года, где схематично запечатлён балкон и синь моря (СХМ КП-5355 Инв. Г-2804)

Получается, что в начале 1910-х Соловьёва занималась украшением и эксплуатацией в основном своего маленького приморского домика, в котором и гостила Цветаева. Так, тремя годами М. И. Цветаева не могла ранее называть владельцем дачи «Генуэзская крепость» Соловьёву, и потому упоминание крепости в письме следует рассматривать лишь как географический ориентир («*скалу эту называют крепостью*»), а не как конкретное название дома-дачи.

Уже во второй половине 1910-х гг. застройка скалы активно расширяется в основном за счёт дорогих особняков. Также «Генуэзской крепостью» (или «Горзувитами») в некоторых источниках называлась дача княгини В. В. Кавкасидзе. Но она располагается на противоположном от Гурзуфа склоне и потому, если допустить, что М. И. Цветаева могла остановиться там, то была бы лишена близости моря и не смогла бы любоваться видом на Гурзуф, во всём великолепии открывавшимся с придомового пространства Дома



Б. В. Томашевского. Кроме того, фраза Цветаевой «*смотрю на море — издалика и вблизи,*

*опускаю в него руки*», красноречиво указывающая на непосредственную близость стихии, возможно, стала основанием выбора Цветаевой места для проживания. Море всегда её влекло<sup>13</sup>, хотя его, по признанию поэта

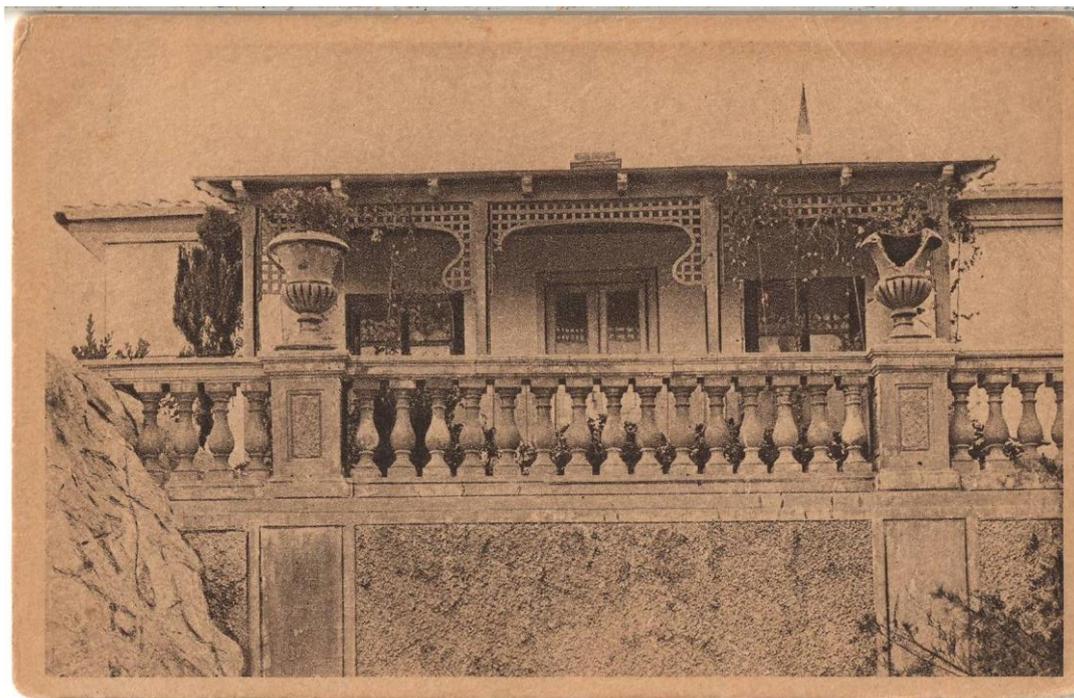
*Дача В. В. Кавкасидзе (ныне — корпус Артека, лагерь «Кипарисный»).*

*Открытка 1910-х годов [2]*

<sup>13</sup> Впервые Цветаева увидела море в детстве. Для неё оно началось с мечты о нём, со стихов Пушкина «К морю». «Когда... мать, войдя в нашу детскую, сказала: к морю — она не подозревала, что произносит магическое слово, что произносит К Морю, то есть даёт обещание, которое не может сдержать. С этой минуты я ехала К Морю, весь этот предотъездный, уже внешкольный и бездельный, бесконечный месяц одиноко и непрерывно ехала К Морю. По сей день слышу своё настойчивое и нудное, всем и каждому: «Давай помечтаем!». Марина приставала ко всем — к сёстрам Асе и Лёре — «Давай помечтаем!». Чего она ждала от них? И сама отвечает: «Памятника Пушкина на Тверском бульваре, а под ним — говора волн...». В страстном ожидании свидания с морем, Марина

(искреннему ли? ироничному ли?), так, в общем-то, и не любила. Именно в Гурзуфе Марине Ивановне довелось не просто видеть море, а буквально жить среди его волн, плещущих как бы о нос корабля.

Однако не слишком ли прост для О. М. Соловьёвой был одноэтажный дом под четырёхскатной крышей, пусть даже на самом берегу? Внимание поэта к этой маленькой даче легко объясняется живописностью места и дополнявшая его декоративность самого дома. Вот, что пишет о нём С. М. Чехов (1901–1973), племянник великого русского драматурга, внёсшего существенный вклад в сохранение сведений о гурзуфском имении А. П. Чехова, а также соседних с ним участках. «При владелице Суук-Су это строение имело вид турецкого киоска — трубы были круглые, высокие — такие называют „пинакль“. Колпаки на трубах были из латуни. После Большого Крымского землетрясения вид дома изменился. Также, поскольку Соловьёва была любительницей востока, в одной из комнат — на востоке в углу, — был сформирован михраб. Это такая ниша. Остатки михраба мне демонстрировал ещё покойный учёный Борис Викторович Томашевский» [1].

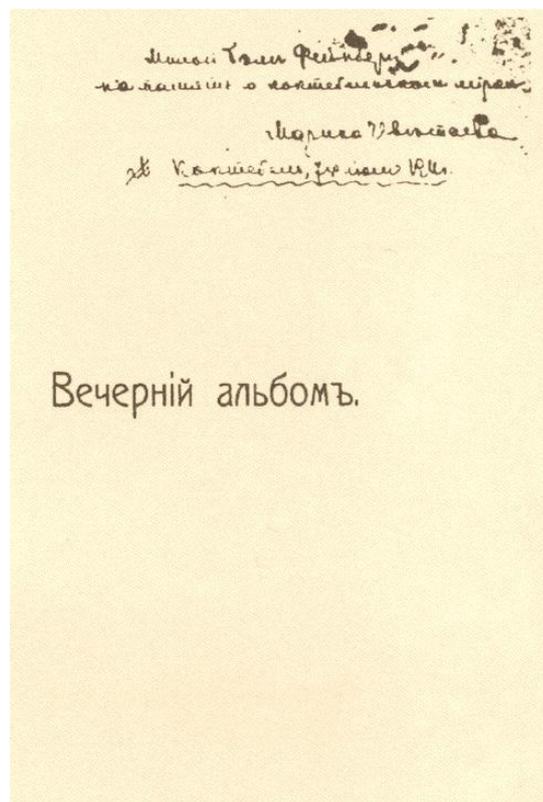


*Дом филолога Б. В. Томашевского (быш. дача О. М. Соловьёвой, где в 1911 году жила М. И. Цветаева). Вид с юга, со скал и моря. Турецкая веранда Соловьёвой. Открытка почтовая, около 1924 года [4]*

«выкрала» у Лёры открытку с видом итальянского городка Нерви — «первая и единственная морская достоверность: синяя открытка от Нади Иловайской из того самого Nervi, куда ехали — мы» (М. Цветаева. Мой Пушкин). Поездка к морю была связана с болезнью матери, Марии Александровны Мейн, страдавшей, как и её сводная сестра, Надя Иловайская, туберкулёзом (им был необходим мягкий климат). По той же причине Цветаевы жили у моря в Ялте в доме писателя С. Я. Елпатьевского в 1905–1906 гг. [18; 19]).

Также укажем на ещё один зафиксированный Мариной Ивановной топографический факт — цветущий абрикос: «Цветет абрикосовое дерево, море синее, со мной книги...». Не слишком распространённое в этой части южного берега Крыма, в отличие от миндаля, дерево не могло не привлечь поэта своим пышным алым цветением, контрастирующим с синим морем. Важно, что абрикосовое дерево до сих пор растёт и плодоносит около Дома филолога Б. В. Томашевского. Историю его мы хорошо знаем благодаря мемуарной заметке того же С. М. Чехова: «Это дерево писал в пейзаже К. А. Коровин, друг А. П. Чехова, <...> старое абрикосовое дерево было уничтожено штормом, однако, из черенка посадка была вновь восстановлена в этом году (конец 1960-х – начало 1970-х гг. — Примеч. наше) и высажена южнее дома» [1]. Вероятно, абрикосовое дерево, упомянутое М. И. Цветаевой, было ещё совсем молодым<sup>14</sup>: так, на картинах К. А. Коровина оно едва запечатлено у северной границы участка — очаг зелени сада среди белой дороги, скал и стен.

Разговор о Цветаевой в Гурзуфе, необходимо продолжить более подробным рассмотрением материала, важного для понимания внутреннего мира поэта и его окружения. Примечательно, что Марина Ивановна не говорит о том, как выглядит комната, какие платья она взяла, о том, какая кухня в Гурзуфе — словом, всё, что занимает её сверстниц или туристов. Ей интересны книги. «Со мной книги», — пишет Цветаева Волошину, а увлечший её роман Жана Поля «Flegeljahre» упоминает дважды. Те книги, что Марина Цветаева взяла с собой в Гурзуф, можно определить с высокой степенью достоверности. Так, из письма М. А. Волошину от 1 апреля 1911 г. мы знаем, что перед отъездом ею в Москве были куплены томики Дюма и Гюго. С уверенностью можем судить, что с собой



«Вечерний альбом» — первый сборник стихов Марины Цветаевой с дарственной надписью: «Милой Белле Фейнберге на память о кокетбельском мире» Коктебель, лето 1911 г. [16]

<sup>14</sup> Вспоминаются пушкинские строки, посвящённые молодому кипарису? Должно быть, наравне с кипарисом Пушкина в крымоведении должен появиться и абрикос Цветаевой.

Цветаева привезла несколько экземпляров своего первого (так понравившегося Волошину) поэтического сборника «Вечерний альбом», поскольку существует экземпляр сборника, подписанный Цветаевой в Коктебеле летом 1911 года. Исследователь М. Шукина пишет: «Среди личных книг Цветаевой, хранящихся ныне в библиотеке РГАЛИ, все три основных произведения немецкой писательницы [Беттины фон Арним]: «Переписка Гете с ребенком» (1835) в двух томах («Goethe's Briefwechselmit einem Kinde», Verlegt bei Engen Diederichs Iena, 1906), переписка с подругой по монастырю романтической поэтессой Гюндероде (1840) в двух томах («Die Gunderode», Im Insel-Verlag zu Leipzig, 1904), наконец, «Весенний венок Клеменса Brentано», составленный из юношеских писем Беттины фон Арним (урожденной Brentано) к брату, известному поэту-романтику (1844) в двух томах («Clemens Brentanos Fruhlingskranz», Im Insel-Verlag zu Leipzig, 1909)» [21, с. 310]. На одном из них, а именно на авантитуле «Гюндероде» 1904 года фиолетовыми чернилами сделана владельческая надпись «Marina Zwetaieff. Gursuff, den 1 Mai 1911». Получается, что книга эта была приобретена и читана в Гурзуфе. Так библиографический список представляется уже весьма внушительным! Но стоит ещё предположить, что с собой в поездку Марина Ивановна могла взять любимую пьесу Э. Ростана «L'Aiglon»<sup>15</sup> в издании 1910 года, а также томик дневника Марии Башкирцевой<sup>16</sup>, памяти которой был посвящён «Вечерний альбом». Присутствие этих книг в гурзуфском «мирке» поэта весьма вероятно, поскольку такой выбор «реликвий»-

---

<sup>15</sup> Пылкая любовь Марины Цветаевой к Наполеону II отразилась во многих её ранних стихотворениях: «Бонапартисты», «Герцог Рейхштадтский», «В Париже», «В Шенбрунне», «Камерата», «Расставание» и т.д. Также Анастасии Цветаевой принадлежит проникновенное объяснение любви Марины Ивановны к образу Наполеона (и I-го и II-го), неотступно сопровождающего поэта и в 1911 году: «Кого из них она любила сильнее — властного отца, победителя стольких стран, или угасшего в юности сына, мечтателя, узника Австрии? Любовь к ним Марины была раной, из которой сочилась кровь <...> Поглощённость Марины судьбой Наполеона была так глубока, что она просто не жила своей жизнью. Полдня запершись в своей низенькой комнатке, увешанной гравюрами и портретами, окружённая французскими книгами, она с головой уходила в иную эпоху, жила среди иных имён <...>. Ни одна из жён Наполеона, ни родная мать его сына, быть может, не оплакали их обоих с такой страстной горечью, как Марина в 16 лет!» [18, с. 746].

<sup>16</sup> Мария Башкирцева (1858–1884) — русская художница, автор знаменитого дневника. Большую часть жизни провела во Франции. Дневник проникнут тонким психологизмом, романтической «жаждой славы» и вместе с тем трагическим чувством обречённости. В начале XX века эта книга была очень популярна в России, а самой известной поклонницей творчества и личности Башкирцевой была Марина Цветаева, в молодости переписывавшаяся с матерью Башкирцевой (умершей в 1920-х годах) и посвятившая «блестящей памяти» Башкирцевой свой первый сборник стихов «Вечерний альбом». На обложке своей второй книги «Волшебный фонарь» Цветаева анонсировала целый сборник под названием «Мария Башкирцева. 3-я книга стихов», однако он не вышел (а может быть, и не был написан).

спутников был бы логичен для сентиментально-романтической натуры<sup>17</sup>, которой была Марина Цветаева в 18 лет. Это соотносится с воспоминаниями её сестры Анастасии, утверждавшей, что Марина, «уходя с головой (и выше головы) в чтение, в страсть любить книги взамен людей <...>, жила<...> в том доме, где жил в „Детстве“ своем „Багровый внук“ <...> в переписке Беттины Brentano с Гёте, Элоизы с Абеляром, в парижской мастерской Марии Башкирцевой» [18; 19].

Мы располагаем ещё одним письмом М. И. Цветаевой из Гурзуфа к М. А. Волошину в Коктебель, написанному спустя две недели после заселения в дом Соловьёвой — 18 апреля 1911 года. Оно чрезвычайно подробно, искусно и просто написано — это настоящее взрослое размышление о мудрости и пути к этой мудрости, об отличии мира ожидаемого, книжного, от мира реального — насущного. Письмо также содержит детали и события, важные для понимания атмосферы Гурзуфа в момент пребывания там Цветаевой, его мы также приводим здесь акцентно:

*«Многоуважаемый Максимилиан Александрович,  
Пишу Вам под музыку, — мое письмо, наверное, будет грустным. Я думаю о книгах.*

*Как я теперь понимаю «глупых взрослых», не дающих читать детям своих взрослых книг! Еще так недавно я возмущалась их самомнением: «дети не могут понять», «детям это рано», «вырастут — сами узнают».*

*Дети — не поймут? Дети слишком понимают! Семи лет Мцыри и Евгений Онегин гораздо верней и глубже понимаются, чем двадцати. Не в этом дело, не в недостаточном понимании, а в слишком глубоком, слишком чутком, болезненно-верном!*

*Каждая книга — кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам.*

*Ведь это ужасно! Книги — гибель. Много читавший не может быть счастлив<sup>18</sup>. <...>*

*Я смотрю на огни в горах и вспоминаю о керосине, я вижу грустное лицо и думаю о причине — естественной — его грусти, т. е. утомлении, голоде, дурной погоде; я слушаю музыку и вижу безразличные руки исполняющих ее, такую печальную и нездешнюю... И во всем так!*

*Виноваты книги и еще мое глубокое недоверие к настоящей, реальной жизни. Книга и жизнь, стихотворение и то, что его вызвало, — какие*

---

<sup>17</sup> Сентиментализм и самоценность воспоминаний, эмоций, играли большую роль в жизни поэта. Так, собираясь эмигрировать, с самым необходимым Цветаева взяла с собой не имеющие практической пользы, но памятные для неё вещицы вроде английской тарелки со львом.

<sup>18</sup> Не парафраз ли это из Екклесиаста?

---

---

*несоизмеримые величины! И я так заражена этим недоверием, что вижу — начинаю видеть — одну материальную, естественную сторону всего. Ведь это прямая дорога к скептицизму, ненавистному мне, моему врагу!*

*Мне говорят о самозабвении. <...>*

*Блажен, кто забывается!*

*Я забываюсь только одна, только в книге, над книгой!*

*Но как только человек начинает мне говорить о самозабвении, я чувствую к нему такое глубокое недоверие, я начинаю подозревать в нем такую гадость, что отшатываюсь от него в то же мгновение. И не только это! Я могу смотреть на облачко и вспомнить такое же облачко над Женевским озером и улыбнусь. Человек рядом со мной тоже улыбнется. Сейчас фраза о самозабвении, о мгновении, о «ни завтра, ни вчера».*

*Хорошо самозабвение! Он на Генуэзской крепости, я у Женевского озера 11-ти лет, оба улыбаемся, — какое глубокое понимание, какое проникновение в чужую душу, какое слияние! <...>*

*То же самое, что с морем: одиночество, одиночество, одиночество.*

*Книги мне дали больше, чем люди. Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге, — я не говорю о детских воспоминаниях, нет, только о взрослых!*

*Я мысленно все пережила, все взяла. Мое воображение всегда бежит вперед. Я раскрываю еще нераспустившиеся цветы, я грубо касаюсь самого нежного и делаю это невольно, не могу не делать! <...>*

*Остается ощущение полного одиночества, к<оторо>му нет лечения. <...>*

*И рая я не хочу, где все блаженно и воздушно, — я так люблю лица, жесты, быт! И жизни я не хочу, где все так ясно, просто и грубо-грубо! Мои глаза и руки как бы невольно срывают покровы — такие блестящие! — со всего.*

*<...> Жизнь — бабочка без пыли.*

*Мечта — пыль без бабочки.*

*Что же бабочка с пылью?*

*Ах, я не знаю.*

*Должно быть что-то иное, какая-то воплощенная мечта или жизнь, сделавшаяся мечтой. Но если это и существует, то не здесь, не на земле!*

*Все, что я сказала Вам, — правда. Я мучаюсь, и не нахожу себе места: со скалы к морю, с берега в комнату, из комнаты в магазин, из магазина в парк, из парка снова на Генуэзскую крепость — так целый день.*

*Но чуть заиграет музыка, — Вы думаете — моя первая мысль о скучных лицах и тяжелых руках исполнителей?*

---

*Нет, первая мысль, даже не мысль — отплытие куда-то, растворение в чем-то...*

*А вторая мысль о музыкантах.*

*Так я живу.*

*То, что Вы пишете о море, меня обрадовало. Значит, мы — морские?<sup>19</sup>*

*<...> Курю больше, чем когда-либо, лежу на солнышке, загораю не по дням, а по часам, без конца читаю, — милые книги! Кончила «Joseph Balsamo» — какая волшебная книга! Больше всех я полюбила Lorenz'у, жившую двумя такими различными жизнями. Balsamo сам такой благородный и трогательный<sup>20</sup>. Благодарю Вас за эту книгу. Сейчас читаю M-mede Tencin, ее биографию<sup>21</sup>.*

*Думаю остаться здесь до 5-го мая. Все, что я написала, для меня очень серьезно. Только не будьте мудрецом, отвечая, — если ответите! Мудрость ведь тоже из книг, а мне нужно человеческого, не книжного ответа.*

*Au revoir, Monsieur mon père spiritu<e><sup>22</sup>.*

*Граммодона, м. б., не будет<sup>23</sup>.*

*МЦ.» [20, Т. 6].*

Так, в письме раскрывается мир одиночества юного поэта, не столь, вероятно, отчётливо проявившийся в патриархальной Москве — Москве бульваров, фонарей, проспектов и электрических проводов, сколь в атмосфере маленького курортного городка. Приморская деревенька со скалой, крепостью, морем и огоньками в горах (запомним эти огоньки!) обнажил в душе Цветаевой новые грани. В этом письме значитесь настоящий манифест юности — книжности, и книжности — детству, отступившему ещё совсем

---

<sup>19</sup> М. Волошин был увлечён гипотезой французского физиолога Рене Кентона (1867–1925) о происхождении жизни из морских глубин, о тождестве «между кровью и морской водой». На М. Цветаеву эта теория произвела впечатление: сам Волошин казался ей «настоящим чадом, порождением, исчадием земли с дремучим лесом вместо волос, со всеми морскими и земными солями в крови» [20, Т. 6].

<sup>20</sup> Бальзамо (Balsamo) и Лоренца (Lorenz) — герои романа А. Дюма-отца «Записки врача. Жозеф Бальзамо».

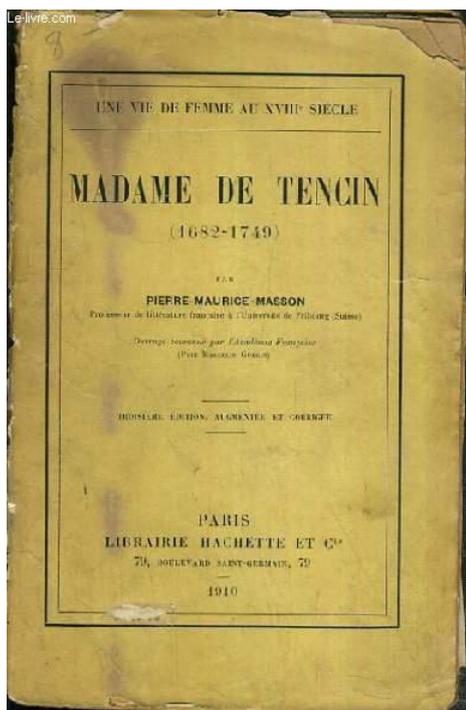
<sup>21</sup> Мадам де Тансен (1685–1749), сестра лионского архиепископа, прославилась своими любовными интригами. Мать знаменитого впоследствии философа и математика д'Аламбера. В 1726 г. была посажена в Бастилию по обвинению в убийстве одного из своих любовников. Позже она изменила образ жизни и собрала вокруг себя многих знаменитых литераторов. Главное ее произведение: «Mémoires du comtede Comminges».

<sup>22</sup> До свидания, мой духовный отец! (фр.)

<sup>23</sup> Граммодон, неоднократно упоминаемый поэтом в письмах, был мечтой Цветаевой весь год, она мечтала приобрести собственный аппарат. Осенью 1911 года он, наконец, был приобретён.

недавно. По словам А. Саакянц: «Навсегда распрощавшись с гимназией, она [Цветаева] приехала в Гурзуф. Там одиночество нахлынуло на неё. Она целиком ушла в книги, которые не давали исцеления» [17]. Разговор с адресатом письма, диалог и монолог одновременно — новые ступени на пути совершенства поэта. И как всё это оказалось для неё ново и непонятно. И кто этот «он», который говорит о самозабвении, стоя на Генуэзской крепости?

В письме вновь упоминаются привезённые Цветаевой из Москвы издания: Дюма «Записки врача. Жозеф Бальзамо», а также новое имя — Мадам де Тансен. Вероятно, биография этого, без сомнения, притягательного женского образа прошлого была куплена Цветаевой уже в Гурзуфе, предполагаем, что это было свежее французское издание 1910 года, в мягкой обложке, из серии «Жизнь женщин XVIII века» в редакции Пьера Мориса Массона. Это было первое современное издание. Также в 1910 году появилась книга, рассказывающая о роде де Тансен с 1520 года.



Обложка издания жизнеописания «Мадам де Тансен» 1910 года и портрет из книги [11]

В своём очерке о Максимилиане Волошине «Живое о живом» Цветаева отмечает: «...после чудесного месяца одиночества на развалинах генуэзской крепости в Гурзуфе, в веском обществе пятитомного Калиостро и шеститомной Консуэлы...» [20, Т. 4]. Следовательно, в библиографическое окружение поэта в Гурзуфе помимо уже обозначенного Жозефа Бальзамо следует внести сведения ещё о книге Жорж Санд «Консуэлло», романе об оперной певице, прототипом которой выступила знаменитая Полина Виардо.

Становится совершенно понятным употреблённое Цветаевой определение «веский» к своему книжному «обществу». Подводя черту под значением, которое уделялось Мариной Цветаевой книгам в её поездке на юг, остаётся только поражаться юной девушке, взявшей столь внушительную библиотеку (прибавим к упомянутым 5-ти и 6-титомникам (даже в формате 1/8 печатного листа) все нами ранее перечисленные издания!). Всё это в высшей степени красноречиво характеризует натуру юной Марины.

Увлечением Жорж Санд, известного борца за права женщин XIX века, и любительницы табака, можно объяснить и следующий момент, запечатлённый в письме к Волошину — *«курю больше, чем когда-либо»*. Вероятно, свобода и независимость юга способствовали развитию привычки, сохранявшейся у Цветаевой на протяжении всей жизни и запечатлённой на многих изображениях поэта (в т. ч. работы Ариадны Эфрон).

Обратимся же к географическому и бытовому моменту, содержащемуся в письме. Марина Ивановна чётко и ёмко характеризует свой дневной маршрут: *«...со скалы к морю, с берега в комнату, из комнаты в магазин, из магазина в парк, из парка снова на Генуэзскую крепость — так целый день»*. Это подтверждает отсутствие тождества понятий «дача (комната)» и «Генуэзская крепость», которые являются разными точками её маршрута — она пишет Волошину «под музыку», следовательно, доносящуюся в открытое окно из парка, где играют музыканты, которых Цветаева периодически ходит смотреть и слушать.

Печально поэт констатирует, что граммофона, может быть, не будет. Она не смогла тогда купить аппарат (или поняла, что транспортировка его в Коктебель была бы затруднительна), либо этим Цветаева даёт понять, что по состоянию на 18 апреля перспектива получить для себя граммофон в наём туманна. Этот штрих позволяет почувствовать, насколько Цветаевой был необходим момент музыки, момент присутствия рядом этого вида искусства — духовой оркестр в парке, близкий и реальный, не мог в полной мере заменить живой, пусть и записанный — то есть фантастический, — голос с пластинки. Как тут не вспомнить строки Ариадны Эфрон, написанные много лет спустя в книге «Моя мать — Марина Цветаева»: «Не менее чудесным, но более внушительным казался мне граммофон с трубой в виде гигантской повилики: в нем жили голоса цыганок. Всю жизнь любила Марина цыган — от пушкинских до уличных гадалок и деревенских конокрадов, за их вольнолюбивость, особость, обособленность от окружающего, колдовские речи и песни, царственную беспечность... и ненадежность. Помню, как однажды, послушав пластинки Вари Паниной и Вяльцевой — низкие,

печальные, удалые голоса! — Марина рассказала мне, еще не совсем четырехлетней, о последнем концерте одной из них» [22].

Как видно и тогда, в 1911 году, присутствие граммофона, музыки для поэта казалось важным и необходимым, а потому письмо, которое обещалось выйти грустным как раз из-за неё — музыки, — завершается упоминанием этой удивительной машины: граммофона.

Так, приведённые нами письма, факты, упоминания конкретных географических мест, ранее не замеченные в наследии поэта, позволяют во всей полноте реконструировать географию пребывания Марины Цветаевой в Гурзуфе и закрепить выявленные сведения за конкретным историческим объектом — домом филолога Б. В. Томашевского (в 1911 году — дома О. М. Соловьёвой). Эти установленные данные позволят в дальнейшем перейти к подробному изучению меморируемого пространства.

### Источники

#### Фондовое собрание ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник»

1. Записки С. М. Чехова об учительском домике и абрикосовом дереве. Арх. 31/1-73 л. 26 (КП 9196).
2. Открытка почтовая «Гурзуф. Генуэзская крепость. Дача Кавкасидзевой» по старой орфографии (1910-е годы). КП 3226/42.
3. Открытка почтовая «Гурзуф. Генуэзская крепость» по старой орфографии (1910-е годы). КП 5194/3
4. Открытка почтовая с видом дома филолога Б. В. Томашевского (бывш. О. М. Соловьёвой) с юга. Турецкая веранда (около 1924 года). КП 7074.
5. Полканов, А. Ялта и ее окрестности (экскурсионные очерки). 2 изд., перераб. и доп. Симферополь, Крымское государственное издательство, 1930. 120 с. НВ 2579.

#### Фондовое собрание

#### Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)

6. Паспортная книжка М. И. Цветаевой, выданная ей 1 апреля 1911 года приставом 2-го участка Арбатской части Москвы // РГАЛИ. Ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 45.

### Литература

7. Бесчинский, А. Я. [соч.] А. Бесчинского; при участии д-ра В. Н. Дмитриева, С. Я. Елпатьевского... [и др.] Путеводитель по Крыму. М. : Т-во И. Н. Кушнерев и К<sup>о</sup>, 1902. 541 с.

8. Головачёва, А. Г. «Все эти гурзуфы, массандры и кедры...» А. П. Чехов в Гурзуфе. Ялта : Нижняя Орианда, 2020.
9. Дом филолога Б. В. Томашевского Дача Томашевского, Учительский домик (Н. М. Макарухина 29.07.2019) // Южный берег Крыма/ЮБКтерра URL: <https://ubkterra.org/heritage/1315859> (дата обращения: 10.03.2023).
10. История «Артека»: Памятный знак [Электронный ресурс] // ФГБОУ «МДЦ «АРТЕК»: официальный сайт. URL: <https://artek.org/kiparisnyu/> (дата обращения: 27.06.2023).
11. Книга о жизни Мадам де Тансен (фр. яз.) 1910 г. [Электронный ресурс] // AbeBooks URL: <https://www.abebooks.com/MADAME-TENCIN-1682-1749-VIE-FEMME-XVIIIe/16884321595/bd#&gid=1&pid=1> (дата обращения: 10.03.2023).
12. Кожин, В. В. Историческая справка о доме филолога Б. В. Томашевского (быв. дача О. М. Соловьёвой, быв. «Учительский домик»). На правах рукописи. Утв. на заседании НМС ГБУК РК «КЛХММЗ» в 2020 г. изд. Ялта: 2020.
13. Крым. Путеводитель / Под ред. К. Ю. Бумбера и др. Симферополь, 1914. 562 с.
14. Макарухина, Н. М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма : Т. 1. Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. 256 с.
15. Москвич, Г. Г. Путеводитель по Крыму. 25-е изд. СПб. : Путеводитель, 1913. 312 с.
16. Обложка книги «Вечерний альбом» с дарственной надписью Белле Фейнберг летом 1911 года (Коктебель) [Электронный ресурс] // Wikimedia Commons URL: <https://clck.ru/3zjeR5> (дата обращения: 10.03.2023).
17. Саакянц, А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М. : Эллис Лак, 1999. 816 с.
18. Цветаева, А. И. Воспоминания : в 2 т. Т. 1. 1898–1911 годы / Подгот. А. Айдиняном. М. : Бослен, 2008. 816 с.
19. Цветаева, А. И. Воспоминания : в 2 т. Т. 2. 1911–1922 годы / Подгот. А. Айдиняном. М. : Бослен, 2008. 800 с.
20. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 13 т. (7 кн.). М. : Терра, Книжная лавка-РТР, 1994.
21. Щукина, М. Марина Цветаева и Беттина фон Арним // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 307–312.
22. Эфрон, А. С. Моя мать — Марина Цветаева. М. : Алгоритм, 2016. 256 с.

УДК 82.09

**Двоглазов Владимир Викторович**

Кандидат филологических наук,  
доцент кафедры русской и зарубежной литературы  
и методики обучения,  
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»;  
Российская Федерация, Киров, e-mail: vladimir6798@yandex.ru

### **А. П. СКАФТЫМОВ О «ПРАВДЕ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ ТРУДЕ**

*В статье рассматриваются главные теоретические работы А. П. Скафтымова с целью уяснить ведущие духовные основы<sup>24</sup> литературоведческой работы классика отечественной науки. В ходе анализа статей самого учёного и трудов о нём основой мы можем считать «правду». Это понятие выражает дорогое Скафтымову представление о существовании единой глубинно-познающей сути произведения и нравственно-интеллектуальный методологический ориентир для её поиска при исследовательской работе с художественно-литературным текстом.*

**Ключевые слова:** А. П. Скафтымов, «правда», литературоведение, литературоведческий анализ, литературоведческая интерпретация.

**Vladimir V. Dvoeglazov**

PhD of Philological Sciences, Associate Professor of the Department  
of Russian and Foreign literature and Teaching methods,  
Vyatka State University;  
Russian Federation, Kirov

### **ALEXANDER P. SKAFTYMOV ABOUT “PRAVDA” IN LITERARY CRITICISM WORK**

**Abstract.** *The article deals with theoretical science work by Skafytymov. The main aim is research of basis, which is in literary criticism work of famous scientist. It is*

---

<sup>24</sup> В связи с этим см. статью А. А. Гапоненкова «Понятийная система А. П. Скафтымова (опыт тезауруса)» в книге «Ранняя драматургия А. П. Чехова»: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции Седьмые Скафтымовские чтения. М.: Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина, 2021. С. 50.

---

---

*“Pravda”. This concept demonstrates the existence of literary work idea and a moral and intellectual methodological guideline for analysis, interpretation.*

**Key words:** Alexander P. Skaftymov, “pravda” “Pravda” literary criticism, analysis of the literary work, interpretation.

**Для цитирования:**

Двоеглазов, В. В. А. П. Скафтымов о «правде» в литературоведческом труде // Гуманитарная парадигма. 2023. № 3 (26). С. 54–61.

В литературоведении была высказана мысль о необычной плотности содержания, насыщенности идеями научных работ известного учёного-классика А. П. Скафтымова [11, с. 18]. Несомненно, в первую очередь, это обусловлено «умом и сердцем» их создателя [4; 5]. В не меньшей мере живая сила трудов учёного обеспечивается основным объектом исследования (сложным видом искусства слова) и его центральным предметом — литературно-художественным произведением. А. П. Скафтымов стал одним из тех учёных, кто обратил внимание на произведение прежде всего как на самостоятельный эстетический феномен, связанный с объективной реальностью и содержательно ценный для каждого человека. О плодотворности этого внимания говорит та современная наука, которая справедливо отстаивает мнение, что «средоточием интересов учёных разных методологических ориентаций (формализм и социологизм 1910–1920-х годов, структурно-семиотические штудии, герменевтический, рецептивно-эстетический и другие подходы) выступает само произведение — “чарователь неустанный”, “неслабеющий магнит”» [2, с. 3]. При этом основополагающая «деятельность» в литературоведении (по В. Е. Хализеву, после описания — анализ) «осознается как движение к интерпретации художественного целого» [2, с. 4], переход «к синтезу, к постижению смысловой целостности произведения» [12, с. 288].

В своей ранней собственно теоретической работе «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы» (1923) Скафтымов отметил необходимость и возможность познания «смысловой целостности» следующим образом: «В художественном произведении много идей — это правда, но за этой правдой следует другая: эти идеи здесь существуют во взаимной связи, в иерархической взаимозависимости и, следовательно, среди многих есть одна центральная, обобщающая и для художника направляющая все остальное» [8, Т. 1, с. 31]. Следует отметить пафос исследователя, уверенность в объективности: определяется сложная содержательная природа художественного образа, но

(что особенно важно) она не становится камнем преткновения, неразрешимой навек задачей. Утверждается: «Один прием в разных произведениях может иметь различное применение, но на своем месте, в каждом отдельном случае, но в связи с целым несет одну и ясную функцию.

Вне связи с целым действительно нет опоры в толковании функциональных отпавлений художественных элементов, но через целое они взаимно объясняют друг друга и сообщают друг другу определенный и единый смысл» [8, Т. 1, с. 30–31] — как кажется, налицо стремление к объективной научной истине.

Сам учёный в своей методологической статье употребляет слово, включающее значение предельного единого знания — «*правда*»<sup>25</sup>. Структура процитированной выше фразы с этим словом учёного бесконфликтно соотносит «правду» множественности идей художественного произведения с «правдой»-истиной существования «обобщающей» мысли. Вторая часть предложения, следующая после противительного союза, дополняет информацию с особым авторским намерением подчеркнуть, обратить внимание, углубить представление, сделать его точнее: здесь легко восстанавливаемое употребление «правда» обобщает основной пафос об «определенном и едином смысле», «одной центральной, обобщающей и для художника направляющей все остальное» идее произведения, которая реализуется в «действенных факторах произведения», вызывающих «субъективное живое художественное волнение» [8, Т. 1, с. 29].

Субъективное и объективное представлены не противоречиво в эстетической теории Скафтымова. Они, занимая своё место, предполагают участие друг друга. При этом автор и образ сущностно первичны: «Только само произведение может за себя говорить. Ход анализа и все заключения его должны имманентно вырастать из самого произведения. В нём самом автором заключены все концы и начала. <...> Сколько бы мы ни говорили о творчестве читателя в восприятии художественного произведения, мы все же знаем, что читательское творчество вторично, оно в своем направлении и гранях обусловлено объектом восприятия. Читателя все же ведет автор...» [8, Т. 1, с. 27, 29].

---

<sup>25</sup> Ещё молодой Скафтымов (в письме к своему университетскому преподавателю А. М. Евлахову от 15 ноября 1925 года) выразил надежду на то, что «какая-то правда» живёт в его словах «и кому-нибудь она со временем сама за себя скажет» (см. в книге: А. П. Чехов и А. Н. Островский. По материалам Пятых международных Скафтымовских чтений: Сборник научных работ. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2020. С. 30). Концептуально о «правде» по отношению к научному творчеству А. П. Скафтымова говорит И. Б. Роднянская в своём критическом отклике на знаменитую книгу «Нравственные искания русских писателей» (Новый мир. 1974. № 2. С. 282–283).

Автор понимается А. П. Скафтымовым во всей полноте: и как «художник», и как «человек» [8, Т. 1, с. 35]. Исследователь отмечает, что при «историческом» и «теоретическом» рассмотрении эти ипостаси следует различать, не прибегая к «непроизвольному дуализму», разрушающему экзистенциально-генетическую связь между «жизнью идеальных устремлений» и «реального пребывания». Через рассмотрение проблемы «соотношения между человеком и художником в одном лице» учёный приходит к соотношению «жизни и произведения искусства» в целом: «Картина художника не есть картина жизни, а только мысли данного художника об этой жизни» [8, Т. 1, с. 37]. В свете всего вышесказанного позволим предположить, что познаваемый «конечный замысел» произведения искусства («правда» целого), может быть интерпретирован как авторские идеи о жизни, особая концепция (ср., например: «Исследователь считал, что о художественном произведении нельзя судить как о повторенной картине действительности. Подобное восприятие (и изучение под таким углом зрения) явлений искусства упускает из виду образно выраженную авторскую концепцию жизни, главную художественную идею великого творения» [3, с. 10]; «Скафтымовское понимание произведения “как целого” по-особому открывало для него художественно-гуманистическое содержание литературы, — ведь “целое” в русской классике всегда было размышлением о смысле жизни» [4, с. 120]).

Постижение этой концепции — конечная цель имманентного анализа [8, Т. 1, с. 28]. Специфика, взаимосвязанные «ингредиенты» такого анализа в методологии науки давно объясняются: во-первых, названный самим учёным телеологический способ рассмотрения произведения и, во-вторых, — принцип «честного чтения». Телеологический способ неизменно приводит нас к очевидности наличия «первоначального замысла», обуславливающего всю расстановку частей, деталей, и вдохновляющего источника этого замысла, — это форма действия. Вторая составляющая аналитической деятельности, по Скафтымову, соединяя реальную жизнь и мир литературы, автора и читателя, оказывается незримой духовной (интеллектуально-нравственной) установкой. Исследователь, занимающийся попыткой интерпретации художественного произведения, выяснением его состава, его «конечной мысли», неминуемо встаёт на путь, свободный от «произвола»: «Исследователь отдается весь художнику, только повторяет его в эстетическом сопереживании, он лишь опознает те факты духовно-эстетического опыта, которые развертывает в нем автор. Восприятие внутренней значимости факторов художественного произведения требует от исследователя отрешения от личных случайных вкусов и пристрастий» [8, Т. 1, с. 29]. После такого

убеждения, основанного на признании природы эстетического феномена, возможность познания смысловой «тайны» произведения становится естественным и ответственным процессом. Идея, требуя отзывчивости и честности, «отдания себя точке зрения», предполагает внимание к автору и участие в работе *некоего гаранта «честности» исследователя, т. е. основы его общечеловеческой сущности* (заметим, например, рассуждения по этому поводу: «Каждый художественный текст, по Скафтымову, носит в себе свою меру осмысления. Игнорируя этот принцип, мы оказываемся в плену собственной всевластной гордыни, полагая себя и только себя мерой истины, мерой понимания текстового целого»; «Чтобы услышать другого, надо внутренне к нему расположиться. Нужно доброе внимание, умное и доброе сердце, нужно специальное литературоведческое умение и усердие» [7, с. 19–20]).

Стремясь к объяснению обозначенной «правды», полноте и доступности её изложения, А. П. Скафтымов в своей теоретической работе совершенно справедливо замечает: «Трудно доказывать такую возможность без практического подтверждения на деле...» [8, Т.1, с. 28]. Думается, одним из таких непосредственных «подтверждений» мы можем считать статью учёного «Тематическая композиция романа “Идиот”» (зима 1922/23) (и, вероятно, увлечённую, сосредоточенную работу над творчеством Достоевского в целом<sup>26</sup> [см. 6, с. 27]. Об этом говорят учёные [3, с. 6; 8, Т. 3, с. 499–500], хронологические данные, это обуславливается и самой организацией материала. В структуре работы чётко выделяются две основные части: введение и главы, обращённые к содержанию произведения Достоевского. Введение воспроизводит основные идеи названной выше теоретической статьи Скафтымова и, отличаясь сдержанной полемичностью, придаёт высказанным ранее мыслям практико-методологический акцент, устремляясь к выражению в виде своеобразных нумерованных положений о «телеологическом принципе». Последнее придаёт статье строгость, в какой-то мере алгоритмичность, значение неких объективных правил. При изложении требований практики анализа учёный всегда имеет в виду произведение как целое, единство с ясной главной идеей, которая «покрывает все остальные лишь потому, что вырастает из них» [8, Т. 3, с. 64] – сосредоточенное

---

<sup>26</sup> При этом А. Жук, Е. Покусаев считают, что «научную эффективность» вырабатываемой методологии Скафтымов «опробывает» на разнообразном материале, например, народном творчестве, что подтверждается созданием известной книги «Поэтика и генезис былин» (1923). И здесь – поиск полноты истины: «И нам, современникам и ближайшим участникам этого сдвига, <...> естественно пожелать осмотреться вокруг себя, глубже войти внутрь создавшихся ранее традиций, пересмотреть накопленные сокровища, ещё раз взвесить их ценность и выбрать *подлинное* богатство, при котором застаёт нас день наш» (курсив наш) [8, Т. 1, с. 51].

внимание предполагает искомую причину единства целого. По сравнению с ранней методологической статьей исследователь эту причину представляет в её качественной данности: не сводимое к «рационалистическому», отмеченное «живой» полнотой восприятия «*знание-переживание*»; в аналитическом идеале — как «*почувствованное*» и «*раскрытое задание всех образующих произведение компонентов*» (курсив наш) [8, Т. 3, с. 59]. Дальнейшее обращение Скафтымова к творчеству Достоевского показывает обретение практической убеждённости в верности сути избранной методологии: «Концепция действующих лиц, их внутренняя организованность и соотношение между собою, каждая сцена, эпизод, каждая деталь их действенно-динамических отношений, каждое их слово и поступок, каждая частность их теоретических суждений и разговоров — всё обусловлено каждый раз некоторой единой, общей для всего произведения идейно-психологической темой автора» [8, Т. 3, с. 59]. В статье о романе «Идиот» ведётся в том числе речь о «правде» и уже в новом уточнённом смысле. Е. И. Куликова утверждает, что «именно в процессе изучения Лермонтова и Достоевского происходило формирование Скафтымова как литературоведа» [4, с. 85].

Коллеги, ученики, последователи, исследователи отмечали: А. П. Скафтымову было присуще искание собственного пути в науке. И этот путь был отмечен необходимостью обнаружения объективной полной истины [см., например: 3, с. 4–5; 4], ростом внимания к сложным нравственным вопросам [3, с. 11–12]. В процессе развёртывания методологических ориентиров, словесного воплощения пафоса поиска и возможности обретения истины, единого и однозначного смысла произведения учёным были сближены понятия «центральная, обобщающая» идея произведения и употребление «*правда*», предполагающее также значение нравственно-методологического ориентира действий литературоведа для истинности «*знания-переживания*». Как показывает текст работы, учёный сделал это публицистически, «как бы мимоходом», «безмысленно», но совершенно не «бесмысленно».

Современная наука развила логику учёного: интерпретация произведения, являясь важнейшим, центральным звеном в литературоведении, закономерно должна приобщать читателя к истине во всей полноте её ощущения [7, с. 19–20; 10, Т. 2, с. 277]. «Скафтымовское ощущение», выраженное в литературоведческих работах о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, А. Н. Островском, А. П. Чехове, Стендале, было обозначено как «духовный нравственный идеал» и «личная творческая правда» каждого большого художника [1]. Она, подобно ощущениям князя Мышкина, ищет

«движения и в сторону собственной личности, и в сторону автора и его произведения» [9, с. 4]. Результаты действия такого исследовательского прочтения неизбежно сопричисляются этапным открытиям личного, специального научного, антропологического и онтологического характера: «Для того чтобы понять, нужно уметь отдать себя чужой точке зрения. <...> Укор мнению не в том, что оно принадлежит личности, а в том, что оно принадлежит неподготовленной и слабо реагирующей и рефлексирующей личности. Само по себе личное переживание не противоположно общечеловеческому, ибо общечеловеческое как раз и открывается нам через глубины личного духа» [8, Т. 1, с. 34].

### Литература

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 23. М., 1976. Стлб. 1485.
2. Введение в литературоведение / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Академия, 2011.
3. Жук, А., Покусаев, Е. Александр Павлович Скафтымов // Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. С. 3–22.
4. Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги саратовской филологической школы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984.
5. Никитина, Е. П. Умом и сердцем // Скафтымов, А. П. Собрание сочинений: в 3 т. Самара: Век#21, 2008. Т. 1. С. 5–21.
6. Новикова, Н. В. А. П. Скафтымов <Эпизоды «дочеховского» прочтения Ф. М. Достоевского> // Чехов и Достоевский: сборник научных работ. По материалам Четвертых Международных Скафтымовских чтений (Саратов, 3–5 октября 2016 года) / Редкол.: В. В. Гульченко (науч. ред.) [и др.]. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2017. С. 25–68.
7. Прозоров, В. В. Александр Павлович Скафтымов — исследователь русской словесности // Скафтымов, А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. С. 5–20.
8. Скафтымов, А. П. Собрание сочинений: в 3 т. Самара, 2008.
9. Стрельцова, Е. И. Предисловие. Дар слова // Ранняя драматургия А. П. Чехова: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции Седьмые Скафтымовские чтения. М.: Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина, 2021. С. 3–13.

10. Теория литературы: в 4 т. М. : ИМЛИ РАН, 2001–2011. Т. 2. С. 273–299.
11. Хализев, В. Е. А. П. Скафтымов: филолог, мыслитель, педагог // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы / Отв.ред. В. В. Прозоров. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2010. С. 14–27.
12. Хализев, В. Е. Теория литературы. М. : Академия, 2013.

~

УДК 372.881.161.1

**Баркова Мария Алексеевна<sup>1</sup>**

Студентка направления подготовки «Филология»,  
Институт общественных наук и международных отношений,  
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;  
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: mariabarkova44@gmail.com

### **РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Статья посвящена проблеме формирования навыков речевого этикета у обучающихся основной школы. Охарактеризованы средства и методы обучения: отечественные мультфильмы и коммуникативно-ситуативные упражнения. Описана работа по формированию навыков вежливого отказа у учащихся 5-х классов при изучении темы «Диалог». Представлены примеры коммуникативно-ситуативных упражнений.*

**Ключевые слова:** навыки речевого этикета, мультфильмы, коммуникативно-ситуативные упражнения, обучающиеся основной школы.

**Maria A. Barkova**

Student,  
Institute of Social Sciences and International Relations,  
Sevastopol State University;  
Russian Federation, Sevastopol

### **RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE: METHODOLOGICAL ASPECT**

**Abstract.** *The article is devoted to the problem of formation of speech etiquette skills among students of primary school. The means and methods of teaching are characterized: domestic cartoons and communicative and situational exercises. The work on the formation of polite refusal skills among 5th grade students when studying the topic "Dialogue" is described. Examples of communicative and situational exercises are presented.*

**Key words:** *speech etiquette skills, cartoons, communicative and situational exercises, primary school students.*

---

<sup>1</sup> Работа выполнена под руководством доцента, кандидата педагогических наук, доцента кафедры «Русская филология, славяноведение и балканистика» Севастопольского государственного университета **Елены Викторовны Хоменко**.

**Для цитирования:**

Баркова, М. А. Русский речевой этикет: методический аспект // Гуманитарная парадигма. 2023. № 3 (26). С. 62–69.

Одна из приоритетных задач обучения в школе состоит в том, чтобы помочь учащимся осознать себя носителями языка и научить их правильно и умело пользоваться русской речью в различных жизненных ситуациях. Успешное решение указанной задачи связываем с формированием у школьников навыков речевого этикета. Под данной дефиницией понимаем систему «устойчивых формул общения, используемых для установления контакта собеседников, поддержания общения соответственно их социальным ролям в официальной и неофициальной обстановке» [4], под навыками речевого этикета — знание правил речевого поведения и умение ими пользоваться [3, с. 32]. Владея этими навыками, школьники смогут легко и свободно устанавливать контакт с другими людьми, поддерживать бесконфликтное общение с ними, оказывать позитивное воздействие на собеседников.

Для формирования исследуемых навыков в школьной практике используются различные методы и средства. На наш взгляд, огромным обучающим потенциалом обладают отечественные мультфильмы, которые в доступной форме знакомят учеников с правилами общения в различных жизненных ситуациях: «Уроки хороших манер» (правила вежливого отказа; правила составления электронных писем и др.) [6]; «Про Миру и Гошу» (правила обращения к незнакомым людям) [5]; «Большой друг» (правила выражения сочувствия и благодарности) [2] и др.

Своеобразным тренажёром, позволяющим школьникам отработать навыки правильного речевого взаимодействия с людьми разного социального статуса и возраста, являются коммуникативно-ситуативные упражнения, построенные по принципу «действуя, запоминай» вместо неверного подхода «запомяна, действуй» [7, с. 71]. Учитель знакомит учеников с реальной ситуацией, в которой каждый играет определённую роль, и предлагает высказаться. Покажем, как может быть организована работа по формированию навыков речевого этикета (в частности, навыков вежливого отказа) у учащихся 5-х классов при изучении темы «Диалог» с помощью перечисленных методов и средств.

Цель занятия: дать представление о правилах вежливого отказа; формировать умение уместно употреблять формулы вежливого отказа в различных ситуациях общения.

— Сегодня мы продолжаем знакомиться с особенностями речевого общения. Как называется разговор двух и более собеседников?

— *Диалог.*

— Иногда в разговоре собеседник зовет вас погулять или сходить в кино, но вы не можете или не хотите этого. Чтобы вы умели вежливо отказывать друзьям, знакомым или взрослым, мы познакомимся с различными формулами вежливого отказа. Сейчас мы посмотрим фрагмент из мультфильма «Уроки хороших манер».

*Вопросы перед просмотром:* может ли воспитанный человек отказывать другим; как следует говорить при отказе; какие формулы вежливого отказа существуют в русском языке. Подумайте над этими вопросами, когда будете смотреть фрагмент из мультфильма. Внимание на экран!

*Вопросы для беседы:*

— Ребята, можно ли отказывать людям?

— *Да, можно.*

— Как следует говорить при отказе?

— *Важно говорить вежливо и решительно.*

— Какие формулы вежливого отказа существуют в русском языке?

— *«Я сожалею, но я не могу»; «я бы с удовольствием, но у меня ничего не получится»; «мне очень жаль, но у меня нет свободного времени».*

— С какими людьми следует быть особенно внимательными? Какие речевые формулы вежливого отказа следует употреблять при общении с ними?

— *Нужно быть внимательными со своими друзьями и близкими. С людьми, которые всегда готовы нам помочь и поддержать, следует использовать такие формулы вежливого отказа: «Я не в силах сделать это»; «сожалею, но у меня вряд ли получится»; «сожалею, но я вряд ли справлюсь».*

— В каком случае вы будете использовать «решительное нет»? Какие формулы «решительного нет» вы запомнили?

— *Если какой-либо человек продолжает настаивать на своём, а вы не хотите или не можете согласиться с его просьбой, то нужно быть твёрдым в своём отказе, потому что у нас всегда есть право на отказ. «Это исключено», «ни в коем случае», «я отказываюсь».*

— Стоит ли подробно рассказывать о причине отказа? Почему?

— Причину отказа указывать не обязательно, но чтобы смягчить сам отказ, можно сказать: «мне кажется», «я думаю».

— Существуют различные виды отказа, они представлены в таблице 1.

Таблица 1. Виды и речевые формулы отказа

Наименование отказа	Речевые формулы отказа
«Сопереживающее нет»	«Я очень ценю ваше предложение, но...»; «Спасибо за приглашение, но...»; «Благодарю за такое интересное предложение, но...»; «Я бы с радостью присоединился к вам, но...»; «К сожалению, у меня не получится, потому что...»; «Благодарю за проявленный интерес, но...».
«Прямолинейное нет» или «решительное нет»	«Нет, я не смогу...»; «Нет, я предпочту этим не заниматься»; «Нет, у меня сейчас нет свободного времени»; «Это исключено»; «Ни в коем случае»; «Я отказываюсь».
«Отсроченное нет»	«Извините, но я не могу сделать это сейчас...»; «Я не могу ответить на ваш запрос прямо сейчас, но обязательно вернусь к этому вопросу позже и дам вам ответ»; «Сейчас у меня большая загруженность, но я постараюсь найти время на выполнение вашей просьбы в ближайшее время».
«Компромиссное нет»	«Я не могу сделать то, о чём вы меня просите, но могу рассмотреть другие варианты»; «Я не хочу выполнять вашу просьбу таким образом, но мы можем найти другой путь достижения общей цели»; «Я понимаю вашу просьбу, но я думаю, что мы можем решить данный вопрос более оптимальным для всех нас способом».

- Какие виды отказа не были продемонстрированы в мультфильме?
- «Отсроченное нет» и «компромиссное нет»

— При использовании «отсроченного нет» важно помнить о том, что нужно вернуться к выполнению просьбы или запроса в ближайшее время, а не просто забыть о ней. Если вы не сможете выполнить просьбу в будущем, лучше сразу сообщить об отказе, чтобы избежать разочарования и недовольства другого человека. «Компромиссное нет» используется в случаях, когда вы предлагаете альтернативное решение, которое может быть более приемлемым и для вас, и для вашего собеседника. Данный ответ позволяет выразить своё отрицательное решение, но при этом предлагает альтернативное решение, которое может быть более актуальным для обеих сторон. Кроме того, такой ответ способствует благоприятному развитию ваших взаимоотношений, потому что вы показываете свою готовность к поиску компромиссов.

Итак, мы познакомились с правилами и формулами вежливого отказа, которые помогут вам вежливо отказывать людям в различных ситуациях. Помните, что для вежливого отказа вам необходимо:

- 1) быть честным и прямолинейным, но не грубить и не обижать человека;
- 2) выражать благодарность за предложение или приглашение куда-либо;
- 3) объяснять свой отказ без детального описания причин;
- 4) если есть возможность, предлагать альтернативные варианты;
- 5) давать точный ответ без каких-либо ложных надежд [1, с. 87].

— А сейчас выполним несколько упражнений.

**Упражнение 1.** В первом столбике указан вид отказа, а во втором дано описание его сущности. Соотнесите вид отказа и описание его сущности.

1. «Отсроченное нет»	А) Такая форма звучит кратко и ясно, при этом сохраняет вежливость и честность в ваших словах.
2. «Прямолинейное нет» «решительное нет»	Б) Такая форма отказа именуется «мягкой», её суть заключается в том, что, вы сопереживаете человеку или же показываете свою вовлечённость в названную просьбу, высказываете своё сочувствие и говорите о том, что у вас не получится сделать то, о чём вас просят.

3. «Сопереживающее нет»	В) Такая форма отказа используется в тех случаях, когда человек не может или не хочет выполнять просьбу в данный момент, но может сделать это в будущем.
4. «Компромиссное нет»	Г) Такая форма отказа позволяет выразить своё отрицательное решение, но при этом предлагает альтернативное решение, которое может быть более актуальным для обеих сторон.

*Ответы: 1-В; 2-А; 3-Б; 4-Г.*

**Упражнение 2.** Выберите правильный вариант ответа для каждой из ситуаций.

1. Друг зовёт тебя поиграть в футбол после занятий в школе, но родители сказали тебе, что сразу после школы вы поедете к стоматологу. Выбери форму «компромиссного нет».

А) Ваня, прости, но сегодня у меня уже есть другие планы.

Б) Ваня, я понимаю, что ты хочешь поиграть в футбол, но я думаю, что мы сможем встретиться и в другой день.

В) Ваня, я не могу сегодня пойти с тобой.

*Ответ: Б.*

2. Учитель предложил тебе поучаствовать во внеклассном мероприятии (спортивные соревнования с параллельным классом), но в этот день у тебя важный экзамен в музыкальной школе. Выбери форму «сопереживающего нет».

А) Ирина Николаевна, я бы с радостью помог вам, но в этот день у меня будет проходить важный экзамен, который мне нельзя пропускать. Надеюсь, что мероприятие пройдет успешно и ваша команда победит!

Б) Ирина Николаевна, простите, но у меня не получится.

В) Ирина Николаевна, я вынужден сказать вам «нет», надеюсь, кто-то другой сможет поучаствовать.

*Ответ: А.*

3. Друг очень настойчиво просит списать у тебя домашнее задание по математике. Выбери форму «прямолинейного нет».

А) Катя, я сам не сделал эту математику, спроси у кого-нибудь другого.

Б) Катя, нет, это исключено.

В) Катя, может, в другой раз, но точно не сегодня.

*Ответ: Б.*

4. Дедушка предлагает сходить на выходных на рыбалку. Ты очень хочешь пойти, но из-за большого количества заданной домашней работы не знаешь, получится ли поехать. Выбери форму «отсроченного нет».

А) Я бы так хотел сходить, но, к сожалению, у меня точно не получится.

Б) Я понимаю, что ты хочешь поехать на рыбалку, но на этих выходных я пойду гулять с друзьями, можем съездить на следующих.

В) Сейчас у меня много дел, но как только я их решу, смогу пойти с тобой на рыбалку.

*Ответ: В.*

### Упражнение 3. Заполните таблицу.

Наименование отказа	Речевые формулы отказа
«Сопереживающее нет»	
«Прямолинейное нет» или «решительное нет»	
«Отсроченное нет»	
«Компромиссное нет»	

**Упражнение 4.** Разыграйте сценки, используя различные формулы вежливого отказа.

*1 вариант.*

Действующие лица: отец, дочь (Катя), продавец сладкой ваты, подруга Кати.

Ситуация: Папа и дочка гуляют по летнему парку. Катя, увидев вкусную лавку с сахарной ватой, начинает просить её у папы, но он ей отказывает. Продавец сахарной ваты тоже начинает уговаривать отца, но тот непреклонен. Пройдя дальше, Катя встречает свою подругу. Подруга зовёт Катю в гости, она соглашается. Папа, услышав разговор двух девочек, говорит Кате, что она не сможет пойти к ним в гости. После этого Катя просит у папы прощение за своё поведение на протяжении всей прогулки, и они крепко обнимаются.

*2 вариант.*

Действующие лица: три одноклассника (мальчики), две одноклассницы (девочки), учитель.

Ситуация: На перемене мальчики ели вкусные конфеты, которые предложили учителю русского языка. Учитель отказал мальчикам, предложив угостить девочек. Мальчики подошли к девочкам и настойчиво просили девочек съесть их конфеты. Их одноклассницы вначале отвечали им вежливо и мягко, что не будут их брать, но мальчики настаивали на своём. Девочкам пришлось ответить решительно и ясно, что сладости от мальчиков они точно не возьмут.

*3 вариант.*

Действующие роли: бабушка, её внучка (Катя), подруга (Лиза).

Ситуация: Лиза пришла в гости к Кате с надеждой, что они посмотрят любимый мультсериал по компьютеру, но бабушка Кати сказала, что компьютер сломан и девочки могут заняться чем-то другим. Бабушка предложила помочь ей приготовить пирожки, девочки были очень расстроенные, поэтому отказали бабушке, но сказали, что с удовольствием будут их есть. Совсем скоро у девочек поднялось настроение, и они придумали, как провести время вместе.

**Упражнение 5.** Даны три ситуации. Приведите пример вежливого отказа. По возможности используйте различные виды отказа (упражнение выполняется в паре со своим соседом).

1 ситуация. Ваш одноклассник пригласил вас на день рождения, но у вас в этот день уже другие планы.

2 ситуация. Одноклассник просит вас дать списать домашнее задание по русскому языку, а вы не хотите оказывать ему медвежью услугу.

3 ситуация. Одноклассник предложил вам сходить в кино на этой неделе, но вы не знаете, разрешат ли вам родители.

В заключение отметим, что школьники, овладевшие речевым этикетом, правилами общения, чувствуют себя гораздо свободнее и увереннее, поскольку отчётливо представляют, *что* нужно сказать и *как* следует себя вести в той или иной ситуации.

### Литература

1. Артамонов, В. Н. Русский язык и культура речи : учебно-методическое пособие. Ульяновск : УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2020. 152 с.

2. Большой друг: мультфильм [Электронный ресурс]. URL: [https://hd.kinopoisk.ru/film/4824e1e899c1e4debec406aad15dcdbo?from\\_block=kp-button-online&watch=](https://hd.kinopoisk.ru/film/4824e1e899c1e4debec406aad15dcdbo?from_block=kp-button-online&watch=)

3. Лапшина, Т. Л. Воспитание культуры поведения // Начальная школа. 2010. № 1. С. 31—36.

4. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com/921-речь>

5. Про Миру и Гошу: мультфильм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCDL9XukzFVU7rfOS6-m-EHQ>

6. Уроки хороших манер: мультсериал [Электронный ресурс]. URL: <http://video.meta.ua/community/mult/album/1660217/>

7. Шарафутдинова, Ф. С. Коммуникативно-ситуативная направленность упражнений по развитию речи детей-билингвов // Начальная школа плюс До и После. 2008. № 7. С. 69—71. ~



## Экспериментаниум



*Александр Степанов*

Бездна неба — звёздный сад!  
Искр полёт, стремясь ревниво  
Распознать судьбу людскую,  
Ловит ветры наугад.

Ниоткуда приземлившись,  
Космос, сумерки украв,  
Спрятал их в тени деревьев,  
На сверчков перековав,  
Раструбил на всю округу,  
Что Вселенной пробил час  
И забрызгал странным блеском  
Стебельки мерцанья глаз.

Наслаждаясь безрассудно  
Тескотнёю тишины,  
Я шагаю на край света,  
Строя замки из мечты.

---

---



## Авторам



**Приём материалов**  
в очередной номер № 3 (26) за 2023 год  
журнала  
**«Гуманитарная парадигма»**  
проводится  
**до 1 декабря 2023 года.**

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-гуманитариев:  
учёных, исследователей,  
докторантов и аспирантов,  
студентов и магистрантов,  
работников культурной и просветительской сфер,  
представителей творческой интеллигенции.

**Наш журнал**  
- научно-аналитический,  
- практико-методологический,  
- литературно-творческий.